

VI. Язык.

Поневежские говоры литовского языка.

(Статья Магистра Богословія кс. Е. Яниса).

Желая посильнее быть полезными важному и интересному дѣлу всестороннаго поуѣздиаго описанія Ковенской губерніи, предлагаемъ вниманію интересующихся слѣдующія наблюденія, касающіяся говоровъ литовскаго языка въ описываемомъ уѣздѣ. Какъ и при описаніи Россенскаго уѣзда, гдѣ мы принимали участіе по своей специальности, считаемъ необходимымъ предупредить читателей о пижеслѣдующихъ способахъ воспроизведенія литовской рѣчи, вызываемыхъ непреодолимыми въ провинціальныхъ типографіяхъ затрудненіями:

1. *Гласные звуки:* а) краткіе обозначаются единичными буквами обыкновенной величины: „ш“, „ч“, „ö“, „o“, „i“, „e“, „ë“, „i“, „Ч“; „oe“. Этотъ рядъ гласныхъ, отъ „ш“ до „Ч“, представляетъ собою, по произношенію, Винтлеровъ рядъ у Зиверса ¹⁾, таѣъ что „ш“, „ö“, „ë“, „Ч“ соответствуютъ его гласнымъ: „i¹“, „o¹“, „e¹“, „i¹“; гласные же: „и“, „o“, „e“, „i“—его гласнымъ: „i²“, „o²“, „e²“, „i²“; первые произносятся узко: „ш“ звучать подобно русскому „у“, „ö“ иѣсколько ужѣ иѣмецкаго „oh“ въ словѣ Mohn, „ë“ иѣсколько ужѣ французскаго „é“ fermé, „Ч“ по звуку сходно съ русскимъ „и“; вторые—широко: „и“ какъ иѣмецкое „i“ въ словѣ Mutter, „o“ какъ русское „o“, „e“ какъ французское „o“ ouvert, „i“ какъ иѣмецкое „i“ въ выражениіи „ich bitte“. Особое мѣсто занимаетъ краткій гласный „oe“, имѣющій сущанную артикуляцію, по Зиверсу ²⁾ Vermittelungsvocal, произносящійся съ артикуляціею губъ, необходимою для гласного „o“, и съ артикуляціею языка, свойственною гласному „e“: какъ результатъ этого совмѣстнаго дѣйствія двухъ разнородныхъ артикуляцій, получается гласный звукъ „oe“ (равный иѣмецкому „ö“ въ словѣ Stöcke, французскому „œi“ въ rœuple), который, хотя и изображается двумя буквами, но въ настоящей статьѣ всегда

¹⁾ Grundzüge der Phonetik, zweite Auflage, 1881. стр. 70 и сл.

²⁾ Ibid. Стр. 70.

кратокъ; по окраскѣ звука, ему соответствуетъ полуынѣмой гласный „ә“. — б) *кратчайшіе* или полуынѣмые изображаются петитными буквами: ą, ą, ę, ı; неопределенный же гласный, хотя и относится къ кратчайшимъ, обозначается посредствомъ буквы „ә“ обыкновенной величины. — в) *долготные* или гласные *средней количества* отличаются неравномѣрными сочетаніями гласныхъ буквъ обыкновенной величины съ петитами: „aa“, „aa“ и т. д. — г) *долгіе*, паконецъ, изображаются равномѣрными сочетаніями гласныхъ буквъ обыкновенной величины: „aa“, „ee“ и т. д., которые нужно произносить слитно и протяжно, какъ въ прѣмечанныхъ словахъ: Aal, Saal, Saat, Seele, See, Schnee, Boot, Moos и пр. Хотя употребляемое въ настоящей статьѣ правописаніе долгихъ и долговатыхъ гласныхъ вызвало необходимость сообразиться со средствами типографіи, однако опо, несмотря на свою неуклюжесть, представляетъ то удобство, что для изображенія всѣхъ оттѣзковъ интонаціи мы, согласно со взглядомъ г. Г. Вебера и епископа Барановскаго¹⁾, можемъ довольноствоваться однимъ акцентуационнымъ средствомъ, приѣтии слѣдующіе приемы: а) *сильноначальная* или *нисходящая* интонація изображается сочетаніемъ двухъ гласныхъ буквъ, изъ которыхъ первая напечатана жирнымъ шрифтомъ, напримѣръ „oo“, „aa“; б) *сильноконечная* или *восходящая* — сочетаніемъ съ жирною второю, напримѣръ „oo“, „aa“; в) *сильносрединная* или *восходяще-нисходящая*, если гласный долгъ, — сочетаніемъ трехъ гласныхъ съ жирною среднею, напримѣръ „aa“; если же онъ долговать, то неравномѣрное сочетаніе, напримѣръ „aa“ въ реченіи „vasnagis“ (астrebъ), само по себѣ обозначаетъ главное восходяще-нисходящее удареніе. Точно также сильноконечная интонація въ созворныхъ дифтонгахъ, т. е., въ сочетаніяхъ краткихъ гласныхъ: „a“, „e“, „i“, „u“ съ сопорными звуками: „g“, „l“, „m“, „n“ передъ согласнымъ, или передъ паузой, изображается здѣсь соответственными жирными буквами, такъ что наши г, л, м, н равносильны Куршайтисовымъ „g“, „l“, „m“, „n“ съ извиившимъ циркумфлексомъ надъ каждою изъ нихъ²⁾.

¹⁾ Ostlitauische Texte, erste Heft, 1882. стр. ХХVIII.

²⁾ Grammatik der litauischen Sprache, 1876. § 208.

напримѣръ „parschas“ (кабанъ), „vilkas“ (волъ), „kamras“ (уголь), „rankos“ (и. чл. рука).

2. Касательно правописанія согласныхъ необходимо замѣтить, что такъ называемое мягкое ихъ произношеніе обозначается здѣсь посредствомъ буквы „j“, какъ въ сербскомъ копѣ т. д., и что „sch“, „zch“ изображаютъ дорсальные согласные звуки, равносильные русскимъ „ш“, „ж“, а сочетанія „tsch“, „dzch“ соответствуютъ русскимъ „ч“, „дж“.

Само собою понятно, что въ статьѣ, описывающей характеристическія особенности одной только группы говоровъ литовскаго языка, мы должны употреблять однодіалектное правописаніе, въ отличие отъ правописанія общелитовскаго, въ основаніи которого лежитъ совокупность всѣхъ наличныхъ нарѣчій и говоровъ литовскаго языка. Такъ, напримѣръ, однодіалектное правописаніе, чтобы изобразить литовское слово, обозначающее „хлѣбъ“, даетъ, соответственно природѣ описываемыхъ говоровъ, слѣдующія начертанія: „dшона“, „dшопа“, „döana“, „döösha“, „dшша“, между тѣмъ какъ правописаніе общелитовское,—употреблявшее каноникомъ Даукшасомъ въ концѣ XVI столѣтія монограмму, состоящую изъ „и“ въ поставленного надъ нимъ малаго о,—однимъ начертаніемъ представляетъ совокупность всѣхъ діалектологическихъ отгѣлокъ въ произношеніи данного слова. Ясно, что общелитовское правописаніе необходимо таинъ, гдѣ о литовскомъ языке говорится, какъ объ одномъ цѣломъ, напримѣръ въ сравнительной грамматикѣ видо-европейскихъ языковъ. Такое правоописаніе мы встрѣчаемъ въ діазеэтологіи Ивана Юшки: „Kalboos lyetuvischkooy lyezchuvjoo, Peterburge, spašstvuju ёже Mookši Akademijoos. 1861“, въ грамматическихъ сочиненіяхъ д-ра Фр. Куршайтиса, въ Восточно-литовскихъ Текстахъ епископа Барановскаго и Г. Вебера (стр. IX—XV и 3—23) и въ моей Грамматикѣ Литовского языка, вышедшей въ текущемъ году гектографическимъ изданіемъ, безъ моего разрѣшенія и съ многочисленными ошибками.

Условившись такимъ образомъ на счетъ правописанія приступаемъ къ темѣ.

Поневѣжскій уездъ называется по имени города Поневѣжа, по-литовски „Panevezchys“, обязанныго своимъ происхожденіемъ

литовскому наименованию рѣки Неважи: „Nevēžchis“, род. „Nevēžchicė“, жен. р., которое въ свою очередь состоить въ этимологической связи съ рѣчкою „Vēžchas“ въ Хвейдалскомъ приходѣ, Россіевскаго уѣзда, и производится отъ индоевропейскаго корня „vaagh“ (съ передне-язычнымъ „gh“), означающаго крачать, шумѣть (ср. напр. лит. „штигч-ти“, др.-греч. „eekheб“, „eeknob“), такъ что „Ne-vēžchis“ собственно означаетъ „не шумящую, тихую“ рѣку, а „Ra-nevezchis“ — городъ, лежащий близъ этой рѣки.

Наша статья принимаетъ въ соображеніе не весь Поневѣжскій уѣздъ, а только среднюю его часть, заключающуюся между мѣстечками: Линковомъ, Йотчишкелями, Пасолемъ, Криничиномъ, Вобольниками, Помланами, Чушолатами и Розалиномъ, называемыми по-литовски: „Люенкау“, „Jonischkjëéljö“ (мн. ч.), „Pasvalqas“ (по произношенію баритоничноющихъ говоровъ: „Pasvalqs“), „Kriutschqvas“, „Vabaljnqcas“ (ед. ч.), „Риштрепё“ или „Риштропё“ (мн. ч.), „Rishschalatas“ (ед. ч.) и „Rozalqcas“. Не входя въ этимологическое объясненіе этихъ наименований, мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что д-ръ Куршайтисъ, въ 27-мъ параграфѣ своей литовской грамматики, производить Вобольники отъ „vabalas“ (жука) и, вслѣдствіе того, присыпываетъ имъ значеніе пѣменного слова „Käferleute“, какъ бы „Жуковскіе“; но па самомъ дѣлѣ, „Vabaljnqcas“ (ед. ч.), фonetически правильно развившееся изъ прототипной формы „*Vabaln-inkas“, происходитъ отъ имени рѣчки „Vabala“ и означаетъ „мѣстечко прилегающее къ Боболю“.

Поневѣжскіе говоры цесомнѣнно принадлежатъ къ верхнелитовскому нарѣчію, такъ какъ пралитовскія сочетанія „tjai“, „tja“, „djai“, „dja“ и пралитовскіе долгіе монофтонги „aa“, „ee“, „ëë“ (=индоевропейскимъ слабоударяемымъ „ei“, „ai“, „oi“) и „öö“ (=индоевроп. „oo“) въ пикѣ перешли въ „tschjai“: „tschjë“, „tschja“, „dzchjai“: „dzchjë“, „dzchja“, долгіе монофтонги: „oo“, „ëë“ и дифтонги: „че“, „шо“, между тѣмъ какъ эти звуки въ нижнелитовскомъ нарѣчіи замѣняются сочетаніями: „teœ“, „te“, „dee“, „de“, дифтонгами „шо“, „чё“, долгими монофтонгами „чч“, „ши“ (въ юговосточныхъ говорахъ),

или дифтонгами: „ёц“, „öп“ (въ сѣверозападныхъ); такъ, напр., прадитовскія „*jaštjaac“ (волы), „*jaštjams“ (волаиъ), „*medjaac“ (деревья), „*medjams“ (деревьямъ), „*braalqas“ (брать), „*deetylë“ (кость), „*lëetylë“ (литъ), „döetylë“ (датъ) и т. п. въ Поневѣжскихъ говорахъ произносятся: „jaashtschjë“, „jaashtschjam“ (съ замѣпою дательного падежа множ. числа дательнымъ двойственного), „meedzchjë“, „meedzchjam“ (съ тою же замѣпою), „broolqas“, „dëetylë“, „lçetylë“, „dshotj“, а въ нижнелитовскихъ: „jaashtee“, „jaashtem“, „woedee“, „meedems“, „bršolis“ (въ юговосточныхъ говорахъ) или „bršolqas“ (въ сѣверо-западныхъ), „dçeti“, „lçcti“, „dshpti“ (въ юго-восточныхъ говорахъ), или „lëepti“, „döapti“ (въ сѣверо-западныхъ).

Какъ нижнелитовское нарѣчіе раздѣляется на два поднарѣчія: *юго-восточное* и *сѣверо-западное*, точно такъ-же нарѣчіе верхнелитовское распадается на двѣ группы говоровъ: *восточную* и *западную*, отличительными признаками которыхъ служатъ соворные дифтонги: „am“, „ap“, „em“, „ep“ и сочетаніе „laë“. Западное верхнелитовское поднарѣчіе произносить дифтонги: „am“, „ap“, „em“, „ep“, сохрания неприкосновенною прадитовскую окраску первыхъ элементовъ („а“ и „е“), въ сочетаніи же „laë“ употребляетъ среднее „lj“, какъ въ немецкомъ речениѣ *lesen*; восточное-же замѣняетъ названные дифтонги двугласными: „öп“, „öп“, „ëт“, „öп“ въ однихъ говорахъ, „im“, „ip“, „iñ“, „iñ“ въ другихъ, „шт“, „шп“, „цш“, „ци“ въ третьихъ, а сочетаніе „laë“ произносить въ серединѣ и началѣ словъ какъ „laë“ съ *твердымъ „l“*, равнымъ русскому *л* въ словѣ лобъ, въ концѣ-же словъ — какъ „la“ или „la“ съ такимъ-же *твердымъ „l“*, такъ, напр., видѣто западныхъ верхнелитовскихъ „saamtis“ (*Schöpfloffel*), „aantis“ (утка), „reemprëa“ (ниголица), „ljeëkti“ (летѣть), „saauljëe“ (солнце) восточное верхнелитовское поднарѣчіе произносить: „söömtqas“, „ööntis“, „rëempre“, или „siimtqas“, „iimtis“, „riimra“, или, наконецъ, „sishmtqas“, „shmtis“, „rççmrëe“, — „lëekti“, „saamlaa“ или „saamla“. По этимъ признакамъ Поневѣжскіе говоры относятся къ *восточному* верхнелитовскому поднарѣчію. Нѣкотораго рода исключение составляетъ *Линковскій* говоръ и соединеніе съ нимъ въ западной части уѣзда, гдѣ со-

чорные двугласные: „ам“, „ан“, „өм“, „өп“ при сильнона-
чальной или исходящей интонации произносятся на западно-
верхнелитовской ладь, напр., „saamtqš“, „aantis“, „laangəs“
(окно), „zchaandes“ (щека), „reemre“, но при сильноконечной
или восходящей — переходят въ „öm“, „öp“, „ëm“, „ëp“,
напр., „gömtqš“ (подпорка), „döntis“ (зубъ), „öntqš“ или
„uzchöntqš“ (передъ платья), которая въ западномъ верхне-
литовскомъ под нарѣчіемъ произносятся: „gamtis“, „dantis“,
„antis“. Такимъ образомъ Линковскій говоръ занимаетъ пере-
ходную ступень между западнымъ и восточнымъ верхнелитовскими
под нарѣчіями.

Поневѣжскіе говоры имѣютъ весьма важное значеніе для
литовской сравнительной грамматики по отношенію къ фоне-
тике, морфологии и запасу словъ. Поэтому мы и разсмотримъ
характеристическія особенности названныхъ говоровъ въ трехъ
отдѣльныхъ главахъ.

I. Фонетическія особенности.

Такъ какъ консонантизмъ Поневѣжскихъ говоровъ не пред-
ставляетъ выдающихся особенностей и вообще совпадаетъ съ
консонантизмомъ всѣхъ прочихъ говоровъ верхнелитовского на-
рѣчія, то мы и разсмотримъ замѣчаенія въ этомъ отношеніи
учрежденіи отдѣльныхъ словъ въ главѣ о лексическихъ особен-
ностяхъ, здѣсь же сосредоточимъ все вниманіе на своеобразно
развившемся вокализѣ, составляющемъ наиболѣе отличительный
характеръ Поневѣжскихъ говоровъ.

Но чтобы понять и объяснить явленія Поневѣжского вока-
лизма, нужно имѣть въ виду цѣлый рядъ тоническихъ зако-
новъ, дѣйствующихъ вообще въ литовскомъ языѣ, изъ кото-
рыхъ по одному открыли знаменитые учёные: Ф. Боппъ¹⁾ —
законъ объ относительной устойчивости сильнопочачальной инто-
нации; А. Шлейхеръ²⁾ — законъ о продолжительной силѣ глав-
ного ударенія, а также о сокращеніи слабоударяемыхъ когечныхъ

¹⁾ Vergleichendes Accentuationssystem des Sanskrit und Griechischen. 1854. § 61.

²⁾ Lituische Grammatik, 1856. § 8, и Compendium der vergleichenden Grammatik, vierte Auflage, 1876. § 98.

гласныхъ¹⁾ и др. Фр. Куршайтис²⁾ — законъ о сильноконечной или восходящей интонація передне-вторичнаго ударенія; — остальные же открыты мною въ промежутокъ времени отъ 1874 по 1880 годъ и отчасти изложены въ вышеупомянутой моей грамматикѣ литовскаго языка (стрр. 76—81).

Хотя подробное изложение и обоснованіе тонаическихъ законовъ составляетъ необходимую часть литовской тонологии, однако, для уясненія вокализма и акцентуационныхъ явлений Поневѣжскихъ говоровъ, мы должны въ краткихъ чертахъ изложить здѣсь эти законы.

Изучая тонологію Куршайтиса³⁾, я замѣтилъ пробѣль въ его изслѣдованіи: почтенный ученый обращаетъ вниманіе только на главноударяемые гласные, не касаясь вопроса о качествѣ интонацій въ слабоударяемыхъ, или, какъ обыкновенно говорятъ, въ неударяемыхъ слогахъ. Предпринятое мною, вслѣдствіе того, изслѣдованіе литовскаго языка по отношенію къ качеству интонацій въ слабоударяемыхъ интонационныхъ единицахъ привело меня въ 1874 г. къ открытію двухъ слѣдующихъ основныхъ законовъ литовской тонологии:

1. Всѣ долгіе гласные: монофтонги и дифтонги, какъ вокальные, напримѣръ „аш“, „ац“, такъ и сопорные, напримѣръ „аг“, „ал“, находясь въ слогахъ, предшествующихъ главному ударенію, имѣютъ восходящее движеніе голоса, или иначе говоря, — сильноконечную интонацію, которую мы въ послѣдующемъ изложеніи будемъ обозначать сочетаніемъ пятиныхъ гласныхъ буквъ съ буквами обыкновенной величины, напр. „Уёёёёё“ (налиць), присовокупля, что въ громадномъ большинстве верхне и нижнелитовскихъ говоровъ „ёё“, „öö“ и пр., по количеству вовсе не уступаютъ главноударяемымъ „ёё“, „oo“, и пр., и поэтому не должны быть смѣшиваемы съ гласными долговатыми „её“, „аа“ и пр., имѣющими среднее только количество и только подъ главнымъ удареніемъ. Неопровергнутое доказательство вѣрности этого закона представляеть тотъ фактъ,

¹⁾ Lituische Grammatik, §§ 4 и 15.

²⁾ Grammatik der litauischen Sprache. 1876. § 219.

³⁾ Laut- und Tonlehre der litauischen Sprache. 1849.

что слова съ сильноначальной интонациею, наприм. „*vazgra*“ (волось), такъ-же, какъ и слова съ сильноконечной интонациею, напр. „*vagras*“ (колоколь), получаютъ одно и то же *восходящее движение* голоса, если интонационныя единицы ихъ попадаютъ въ положеніе передъ главнымъ удареніемъ, напримѣръ въ умен. „*vagreelës*“ (малый колось), „*vagreelis*“ (малый колоколь), такъ что между „*vagreeljash*“ (*spicularum*) и „*vagreeljish*“ (*campanularum*) положительно нѣть никакой фонетической разницы.

2. Всѣ долгіе гласы: монофтонги, вокальные и сонорные дифтонги, находясь въ слогахъ, *следующихъ* за главнымъ удареніемъ, имѣютъ *нисходящее движение* голоса, или иначе говоря, *сильноначальную интонацию*, отличающую въ настоящей статьѣ сочетаніемъ гласныхъ буквъ обыкновенной величины съ *шеститными*, напр. „*vëggëlo*“ (палому); при чёмъ обращаемъ вниманіе, что и здѣсь „ёз“, „ёо“ и пр., въ подавляющемъ большинствѣ говоровъ литовскаго языка, имѣютъ количественно, равное главноударяемымъ „ёё“, „oo“ и пр., уступая послѣднимъ лишь по напряженію и высотѣ голоса. Стало быть, ихъ нельзя смѣшивать съ *долговатыми* „её“, „аа“ и пр., имѣющими только среднее количество и только подъ главнымъ удареніемъ. Неопровергнутое доказательство вѣрности этого закона представляетъ тотъ фактъ, что слова съ *сильноконечной интонациею*, напр., „*plaškës*“ (онъ плылъ, они плыли), точно такъ-же, какъ и слова съ *сильноначальной интонациею*, напр., „*plaškës*“ (онъ колосился, они колосились), ставъ слабоударяемыми и очутившись въ положеніи послѣ главного ударенія, напр., въ сложеніи съ префиксомъ „*roeg*“: „*raag*“ (=пере—), получаютъ *одну* и *ту-же* *сильноначальную интонацию*, такъ что между „*roeg*—“, „*raag-plaškës*“ (онъ переплылъ, они переплыли) и „*reeg-*“, „*raag-plaškës*“ (онъ переколосился, они переколосились до извѣстнаго времени) нѣть *ни малайшей фонетической разницы*.

Изъ сказаннаго о первыхъ двухъ тоническихъ законахъ явствуетъ, что въ литовскихъ слабоударяемыхъ слогахъ *всесе нѣть врожденныхъ и неизмѣнныхъ интонацій*. Съ этимъ выводомъ нашимъ идетъ въ разрѣзъ слѣдующее сообщеніе проф. А. Лескина¹⁾:

¹⁾ Archiv für slavische Philologie. T. V, стр. 189.

„Различие между сильноконечной и сильноначальной интонацией не исключительно свойственно главноудараемому слогу, а и въѣсто повсюду, гдѣ существуютъ соответственныя условія (долгій монотонгъ, дафтонгъ, такъ называемый Куршайтисомъ полу-дафтонгъ, т. е., гласный + п, ш, л, т); такъ, напр., имен. множ. „vardač“ имѣть въ своемъ первомъ слогѣ сильноконечную интонацію не менѣе, какъ имен. ед. „vardas“, а имен. множ. „keilmač“ въ первомъ слогѣ—сильнопачальною тѣчно такъ же, какъ имен. ед. „keelmas“; это различие менѣе ощутительно, нежели подъ главнымъ удареніемъ“. На это я могу только сказать, что проф. Лескинъ, хотя по собственному заявленію¹⁾ и въ состояніи слышать разницу между сильноначальной и сильно-конечной интонаціями въ главноудараемыхъ слогахъ, однако же компетентенъ по отношенію къ интонаціямъ слабоударяемыхъ словъ: „kelmač“, въ силу 1-го закона, имѣть въ первомъ слогѣ не сильноначальную, а сильноконечную интонацію.

Не менѣе противорѣчить вышеизложеннымъ фактамъ замечателій языковѣдѣ F. de Saussure, утверждая, что между литовскими интонаціями и удареніемъ *не существуетъ необходимости соотношенія*²⁾. Это соотношеніе существуетъ, такъ какъ интонація литовскихъ слабоударяемыхъ словъ находится въ рабской зависимости отъ главнаго ударенія, вслѣдствіе чего мы произносимъ, напр., въ ии. пад. ед. ч. „vėdgėlē“ слогъ „vė“ съ сильноконечной интонаціею, а въ дат. пад. того же слова: „vėdgėlei“ слогъ „vė“—съ сильноначальной.

О вышеизложенныхъ двухъ законахъ я писалъ въ 1878 г., черезъ посредство академика А. Шифнера, г-ну Г. Веберу, но миъ неизвѣстно, пригодились ли они ему въ чему-нибудь; меня же павели они на открытие слѣдующихъ двухъ тоническихъ законовъ.

3. Если, по какой бы то ни было причинѣ, вмѣсто первоначального ударенія возникаетъ вторичное въ части слова, предшествующей исходному главному ударенію, т. е., если возни-

¹⁾ Litauische Volkslieder und Märchen, gesammelt von A. Leskien und K. Brugman 1882. стр. 11 *), а также у д-ра Г. Гирга—Der indogermanische Akzent. 1895. стр. 105.

²⁾ Mémoires de la soci  t   de linguistique de Paris, 1894. t. 8, стр. 426.

ваетъ *переднеевторичное ударение*, то оно, попавъ на долгій гласный, всегда ныть сильноконечную или восходящую интонацію. Этотъ законъ я выше назвалъ Куршайтисовыи, потому что онъ впервые имъ описанъ¹⁾; но я открылъ его, независимо отъ Куршайтиса, въ 1874 году, изучая, подъ руководствомъ моего товарища по семинарии кс. А. Шваделя, Дорбянскій баритонизующій пижелитовскій говоръ, въ которомъ мы находимъ и объясненіе рассматриваемаго закона. Сопоставляя баритонные формы, напр., Дорбянскія: „zchishtona (замужняя), „dyccha (жива), и пр., съ окситонами, напр., Хвейданскими: „zchishtona“, „dyccha“ и пр., мы обыкновенно говоримъ, что въ первыхъ удареніе „перешло“ или „перенесено“ съ окончанія на коренной слогъ. Но на самомъ дѣлѣ, *ударение всее не ходитъ и никогда не переносится*, а только соворшается слѣдующій процессъ: по мѣрѣ ослабленія исконнаго главнаго ударенія, усиливается удареніе предшествующаго ему слога, имѣющаго, въ силу 1-го закона, восходящую интонацію, которая, при постепенномъ усиленіи, не меняетъ своего акустического состава, вслѣдствіе того *переднеевторичное ударение всегда имѣть сильноконечную интонацію*. Постепенность ослабленія исконнаго главнаго ударенія и усиленія вторичнаго доказывается тѣмъ фактомъ, что, если исконное удареніе находится на долгомъ гласномъ, то оно, при возникновеніи главнаго вторичнаго въ предшествующемъ слогѣ, въ Дорбянскомъ говорѣ не падаетъ до уровня слабоударяемыхъ слоговъ, а сохраняетъ часть своего прежняго значенія, становясь *второстепеннымъ удареніемъ*; ср., напр. Дорбянскія: „dёçzшçё“ (пѣсня), „zchishtonaos“ (род. ед. замужней), въ которыхъ слоги „dёç“ и „zchishto“ имѣютъ гликную сильноконечную интонацію, слоги же „шçё“, „nшOos“ — сильносрединную второстепенную, обозначенную здѣсь по предложеному г. Г. Веберомъ правилу²⁾, — съ окситонными Хвейданскими формами: „dçzшçё“, „zchishtonaos“.

4. Если, по какой бы то ни было причинѣ, имѣетъ первоначальнаго ударенія возникаетъ вторичное въ части слова, сlijduющей за исконнымъ главнымъ удареніемъ, т. е., если возни-

¹⁾ Gramm. d. litt. Spr. § 219.

²⁾ См. у Куршайтиса, Gramm. d. litt. Spr. § 214.

каеть задневторичное ударение, то оно, появляясь на долгий гласномъ, всегда имѣть сильнопачальную или нисходящую интонацію; такъ, напр., слово „saanl  e“ (солнце) во всѣхъ падежахъ удерживаетъ ударение на кориѣ, но въ Тильзитскомъ сложеніи „sa  lj  -tokis“ (=Хвейдан. „sa  l  -tekis“, восходъ солнца), съ ослабленіемъ главнаго ударения на корепномъ слогѣ, появляется задневторичное ударение на суффиксѣ; а такъ какъ, въ силу 2-го закона, интонація слѣдующаго за исключеннымъ главнымъ ударениемъ долгаго гласнаго всегда нисходящая, то возникнувшее вновь въ этой части вторичное главное ударение, естественно, должно имѣть сильнопачальную или нисходящую интонацію.

5. Причины, вызывающія дѣйствіе нашего З-го закона, довольно разнообразны. Прежде всего, при элизіи главноударяемаго гласнаго, по необходимости возникаетъ передневторичное ударение, всегда, въ силу З закона, сильноконечной интонаціи, если таковой благоприятствуютъ обстоятельства, т. е., если слогъ, въ которому возникаетъ передневторичное ударение, имѣть долгій гласный; такъ, напр., вмѣсто „di  na isch di  noos“ (сона на день) около Тильзита говорить: „di  n isch di  noos“¹⁾ вмѣсто „kasdi  na“ (ежедневно), находящагося въ 326 стихѣ поэмы епископа Варановскаго (по изд. Г. Вебера, 1882), читаемъ тамъ-же ст. 323: „kasdi  n“ „arv  kschtin  joo“. — Почти тождественно съ элизію устраненіе главноударяемой усиливательной частицы „—ац“, вслѣдствіе чего также неизбѣжно появляется передневторичное ударение съ сильноконечной интонацію: изъ „ansac“, „kooksaц“, „tooksaц“ и пр., съ обычными устраниемъ частицы, возникаютъ: „ans“ и въ некоторыхъ верхнелитовскихъ говорахъ: „kooks“, „tooks“ и пр., рядомъ съ род. „kookjoo“, „tookjoo“. Предлагаемое Куршайтисомъ объясненіе²⁾ „kooks“ изъ „*kookis“, противорѣчить звуковымъ законамъ. Но самую важную причину, обуславливающую дѣйствіе З закона, мнѣ удалось открыть при изученіи *Постилы* (1599 г.) каноника Даукшаса; вмѣсто повсюду

1). См. літ.-іѣм. словарь Куршайтиса, подъ словомъ „di  na“.

2). Gramm. d. litt. Spr. § 900.

употребляемыхъ въ названной памятнице литовской литературы: „diēna“, „tatai“, „paskui“ (акутомъ, вмѣсто котораго напечатаны здѣсь жирныя буквы, отиѣщается въ Постилѣ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ,—сильноконечная интонація) находимъ: „diēna“, „tatai“, „paskui“, если слѣдуетъ слово съ начальнымъ ударениемъ, напримѣръ, „diēna“ „diēna“ „mookia“ (вмѣсто „oo“ въ подл. имѣется „o“ съ угловатымъ циркумфлексомъ)=*dies diem docet*; „tatai esti“ (=то есть); „paskui“ „to“ (=too)=послѣ того. Образцы этого тонического явленія я открылъ и въ своемъ родномъ (Хвейданскомъ) не баритонизирующемъ говорѣ, гдѣ говорить, напримѣръ, „apōn vezchima“ (вин. ед. оный возь), но „apōn dučna“ (вин. ед. оный день). Этотъ законъ я называю димоціею или разобщеніемъ сталкивающихся ударений и приписываю ему главную роль въ возникновеніи баритонизирующихъ говоровъ, нарѣчій и языковъ.

6. Причину, обусловливающую дѣйствіе 4-го закона, составляетъ акустическое свойство третьестепенной сильноначальной или исходящей интонаціи: она *расносильна второстепенной сильноначальной интонаціи*, что явствуетъ изъ слѣдующаго сопоставленія: Неопределеннное наклонение глаголовъ съ сильноконечной интонацией, напр. Тильзит. „kečsti“ (=Хвейдан. „keestī“ менять) въ сложеніи съ предлогомъ „peer“ (=Хвейдан. „raag“, пере—), всегда удерживающій свое удареніе¹), вѣсколько ослабляетъ свое удареніе, превращая его во *второстепенное*: въ Тильз. говорѣ „peer-kečsti“, въ Хвейдан. „raag-keestī“ (перемѣнить), въ написаніи которыхъ, по вышеупомянутому графическому правилу Г. Вебера, первая жирная буква обозначаетъ главное, вторая—второстепенное удареніе; но им. пад. мн. ч. муж. р. причастія сграж. залога: въ Тильзит. говорѣ „peer-kečstī“, въ Хвейдан. „raag-keestī“ (перемѣнены) не получаетъ второстепенного ударенія и подходитъ подъ дѣйствіе 2-го закона, перемѣня „е“: „ес“ въ „е“: „е“; вслѣдствіе чего, неопределенное наклоненіе „peer-kečsti“: „raag-keestī“ рѣзко отличается отъ причастія „peer-kečsti“: „raag-keestī“. Той же участіи подвергаются неопределенное наклоненіе и стра-

¹) См. Куршайтиса Gramm. d. litt. Spr. § 448.

дательное причастіе отъ глаголовъ съ сильновачальною интонацією, напр. въ Тильзит говорѣ „rjaanti”, въ Хвейдан. „rjaanti” (рѣзать), т. е. неопределѣленное наклоненіе получаетъ второстепенное ударение: „reeg-rjaanti”: „raag-rjaanti” (перерѣзать), причастіе же—третьестепенное, въ силу 2-го закона, конечно, сильновачальное: „reeg-rjaanti: raag-rjaanti” (перерѣзаны); но здѣсь между причастіемъ и неопределеннымъ наклоненіемъ нѣтъ никакой фонетической разницы. Стало бывать, третьестепенная сильновачальная интонація имѣть равную второстепеній высоту и напряженность голоса и, вслѣдствіе того, въ сложеніи имѣть переходъ въ главное, заднеэторичное ударение: вмѣсто ожидаемаго „saaulēs-tekis” имѣеть въ Тильзит. говорѣ: „sawljōē-tekis”, въ Хвейдан. „sawljōē-tekis”, между тѣмъ какъ прототипное „schoona-kaamīčūz”, не имѣя непосредственно за главнымъ удареніемъ третьестепенной сильновачальной интонаціи, въ современномъ Тильзит. „schoon-kaalis”, Хвейдан. „schipon-kaalis” (ребро) удерживаетъ удареніе на исключномъ мѣстѣ. Такимъ же образомъ вралитовскія: „pašjaas” (=др.-вид. „paunjaas”, іод. nei-ee”), „senaa” (=др.-вид. „sanaa”, др.-греч. „henee”), „sašzaa” (=ір.-греч. „hau-ee”, „au-ee”), „degōo” (=индоевроп. „dheghoo”, др.-вид. „dahaami”) въ сложеніи съ местоименіями „jčč”, „si”, вмѣсто первоначальнаго ударенія получили заднеэторичное со свойственnoю ему сильновачальной интонацией: „pašjaas-jčč”, „senaa-jčč”, „sašzaa-jčč”, „degōo si”, изъ которыхъ развились современные формы: Тильзит. „pašjoji”, „senooji”, „sašsooji”, „degus”, Хвейдан. и Ретовскія „pašjoji”, „senojoji”, „sašsjoji”, Хвейдан. „degšus”, Ретов. „degōo shs”, между тѣмъ вралитовское „dega-si”, при отсутствіи третьестепенной сильновачальной интонаціи сохраняетъ удареніе на исключномъ мѣстѣ въ Тильзит. „deegas”, нижнелат. „deegas”; простыя формы: „pašja”, „sena”, „sašza”, „degu” имѣютъ ассоциативное удареніе, обазливое смыть прохожденіемъ уподобленію сдвинутыи формашь: „pašjoji” и пр. Мифніе Бонга¹⁾, что первоначальная логота безусловно была въ состояніи привлечь къ себѣ удареніе, не имѣть никакого основанія.

¹⁾ Vergl. Accentuationss. d. S. u. Gr. § 70.

7. Болшовыиъ обь относительной устойчивости главной сильнопачальной интонаціи объясняются многочисленныи акцентуационныи явленія по всѣхъ говорахъ литовскаго языка вообще и въ баритоничающихъ, какъ нижнелитовскииъ, такъ и Поневѣжскіиъ, въ особенности. По обь этомъ рѣчь впереди.

8. Во всѣхъ безъ исключеній говорахъ литовскаго языка пралитовская *сильнопачальная интонація въ конечныхъ слогахъ* грамматическихъ формъ перешла въ *сильноконечную или восходящую*, которой соответствуетъ нижнелитовская *сильносрединная или восходяще-исходящая интонація*. Этотъ открытый мною законъ я назвалъ окситоническимъ. Такъ, напр., произведенный отъ слова „taagras“ (промежутокъ), въ ющаго во всемъ склоненіи однотипную сильнопачальную интонацію, предлогъ „tagr“ (между), въ силу окситонического закона, получиль сильноконечную интонацію; точно также предлогъ „rigm“ (передъ) своею восходящею интонацію обязанъ дѣйствію этого закона, такъ какъ источникъ его: „rigmus“ (первый) имѣеть сильнопачальную интонацію. Но первоначальная пралитовская исходящая интонація конечныхъ словъ уцѣлѣла въ старицкихъ *сдвигеніяхъ* двухъ словъ въ одзю; такъ, напр., виѣсто обычныхъ предлоговъ: „ши“ (отъ), „ргче“ (пра), „рег“: „раг“ (черезъ) съ сильноконечной интонацію, въ формахъ сдвинутыхъ находимъ сильнопачальную: „шиог(i)“, „ргчег(i)“, „реог-“, „разг-шишцѣ“ (пересолить); виѣсто парѣнія „кир“ (куда) въ поэмѣ епископа Вяраповскаго читаемъ „киш-пја-кир“¹⁾ виѣсто обычнаго род. пад. множ. числа „zchanshi“ (гусей), входимъ пралитовскую интонацію: „zchanshi“ (=др.-греч. „kheenoon“) въ названіи горы „Zchanshišgala“ (въ Яновольскомъ приходѣ). Въ приведенныхъ и имъ подобныхъ примѣрахъ гласные конечныхъ словъ, очутившись въ серединѣ сдвинутыхъ формъ, не подверглись, конечно, дѣйствію окситонического закона. Сильнопачальная интонація конечныхъ словъ въ современныхъ говорахъ литовскаго языка можетъ появиться только вслѣдствіе вторичныхъ процессовъ; такъ, напр., виѣсто лит. „kliso“ (крость, кроютъ), „sчё“ (свѣть, свѣтъ) и проч.

¹⁾ Ст. 34, 67 и пр., по изд. Г. Вебера.

имѣютъ сильноначальную интонацію, потому что произошли, въ сравнительно недавнее время, изъ болѣе полныхъ формъ: „*klišoja*“, „*sčeja*“, удѣлѣвшихъ въ возвратныхъ „*klišoja-s*“ (кроеть себѣ), „*sčejas*“ (сѣть себѣ) и въ верхнелит. „*klooja*“, „*sëja*“; Тальзитское „*tuos*“ (вин. мн. eos), видѣто сохранившагося въ Веліонскомъ говорѣ фонетически правильного „*tuos*“ (=eos), произошло путемъ тонического уподобленія членной формѣ прилагательныхъ, напр., „*baltuos-jus*“ (вин. мн. бѣлье). Этотъ законъ чуждъ ближайшѣ родственнымъ литовскому языкамъ: прусскому и латышскому; ср., напр., „*too*“ (того), „*joos*“ (ея), „*anač*“ (сной) со среднелатышскимъ „*taa*“¹⁾, верхнелатышскимъ „*joos*“ (форма, записанная мною по произношенію латыша родомъ изъ Варкліонского прихода, Витебской губерніи), прусскими „*teneei*“ (катих. 1561 г. 86,6).

9. Въ виду совершившагося въ литовскихъ конечныхъ слогахъ тонического переворота, весьма важную услугу для определенія первоначальныхъ конечныхъ интонацій оказываетъ законъ о возникновеніи нижнелитовскаго второстепеннаго ударенія, котораго я коснулся мимоходомъ въ статьѣ о Россіевскихъ говорахъ:²⁾ „такъ какъ появленіе второстепенного ударенія въ членныхъ прилагательныхъ обусловлено исключительнымъ исходящимъ ударениемъ эпилитического мѣстоименія „*jis*“ (онъ),— напр. Хвейданское „*seepaaaje*“ (дат. един. старой) указываетъ на отличное отъ современного ударенія: „*jač*“, „*ječ*“ (дат. ед. ей) первоначальное исходящее: „**jaac*“, тождественное съ др.-греческимъ „*heeī*“,—то тщательное изученіе рассматриваемаго ударенія имѣть весьма важное значение и для сравнительной индо-европейской тонологии“. Законъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: если къ прилагательному присоединяется форма мѣстоименія „*jis*“ съ сильноначальной интонацией, напр., „*jooms*“, то сдвинутая форма получаетъ, сверхъ главного ударенія, еще второстепенное: изъ „*raschūtoms + jooms*“ возникаетъ „**raschūtōoms + jooms*“ и, съ утратою первого „*m*“ вслѣдствіе диссимиляціи, современная нижнелитовская форма: „*raschūtuojsjoms*“

1) Linde, Magazin d. lettisch-literarischen Gesellschaft 1881. т. 16, стр. 2, стр. 48.

2) См. Час. хн. Ков. губ. на 1893 г. Отд. II, стр. 119.

(дат. мн. жен. р. писаннымъ, *tais graptais*); напротивъ того, если присоединяется форма мѣстоименія „*jis*“ съ сильноконечной интонацией, напр. им. виц. двойст. ч. пралит. „*j  “, сохранившее свою первоначальную интонацію (=др.-греч. „*hai*“, которая, съ функциею мн. ч.) въ Тильзитской сдвинутой форме „*j  -dyi*“ (одѣл двѣ), то сдвинутая форма получаетъ *одно только главное ударение*: изъ „*rasch  t  +j  “ возникла современная нижнелитовская форма: съверозан. „*rasch  t  j  *“, юговосточ. „*rasch  t  j  *“ (им. виц. двойств. писанный, таа *graptaa*). Иногда случается, что одинъ и тотъ же падежъ принимаетъ то ту, то другую форму, смотря по качеству интонаціи присоединенного мѣстоименія, напр., нижнелит. съверозан. „*raasch  nt  -  *“, юговост. „*raasch  nt  j  *“ (им. мн. муж. рода пишущіе, *hoi graphontes*) съ главнымъ и второстепеннымъ удареніемъ, потому, что мѣстоименная форма „—*j  s*“, по склоненію существительному (ср. им. мн. нижнелит. „*k  sh  j  *“ молоты), имѣла первоначально исходящую интонацію: „**jaac*“; но нижнелит. съверозан. „*raasch  nt  s*“, юговост. „*raasch  nt  s*“ (им. мн. муж. р. воз-вратного причастія наст. вр., употребляемаго въ качествѣ косвен-наго падеженія=что они пишутъ себѣ) съ однимъ только главнымъ сильносрединнымъ удареніемъ на слогъ „*taa*“, потому, что мѣстоименная форма „*si*“ (себѣ) не имѣла сильновocalальной или исходящей интонаціи. При разборѣ грамматическихъ формъ Поневѣжскихъ говоровъ мы воспользуемся этимъ закономъ для определенія пралитовскихъ интонацій въ конечныхъ слогахъ.

10. Шлейхеровъ законъ о вліяніи збентуациіи на количество гласныхъ имѣть двѣ стороны: *положительную* и *отрицательную*. Первая состоитъ въ удлиненіи первоначальныхъ краткихъ „*a*“, „*e*“ въ долгіе „*aa*“, „*ee*“¹⁾, вторая—въ сокращеніи слабоударяемыхъ конечныхъ долгихъ гласныхъ²⁾. По отношенію къ Поневѣжскимъ говорамъ этотъ законъ долженъ быть несколько измѣненъ: гласные „*a*“, „*e*“, удлиняясь подъ исключеннымъ удареніемъ, переходятъ *не въ долгіе*, какъ въ западныхъ верхнелитовскихъ говорахъ, а *въ долзоватые*: „*aa*“, „*ee*“; такому же удлиненію подвергаются, въ противоположность

¹⁾ Lit. Gr. § 8, Compend. § 93.

²⁾ Lit. Gr. §§ 4 и 15.

западному верхнелитовскому поднарѣцію, и первоначальные краткие гласные „і“, „и“, переходя подъ главный удареніемъ въ долговатые „иЧ“, „иШ“; сокращаются же не только слабоударяемые конечные долгіе гласные, но также и *неканечные слабоударяемые*, какъ предшествующіе главному ударенію, таъ и слѣдующіе за ними. Несмотря на эти видозмѣненія, Шлейхеровъ законъ, въ сущности, непоколебимъ. Онъ признается вполнѣ Куршайтисомъ¹⁾, но отрицаются, по отношенію къ положительной части, епископомъ Барановскимъ и Г. Веберомъ²⁾, утверждающими, что „удареніе не удлиняетъ количества, а только обнаруживаетъ его“³⁾). Этотъ взглядъ вѣренъ лишь по отношенію къ первоначальнымъ долгимъ, сократившимся въ восточныхъ верхнелитовскихъ говорахъ подъ слабымъ удареніемъ или въ такъ называемыхъ неударенныхъ слогахъ, по сохранившимъ первоначальное количество подъ главнымъ удареніемъ; по отношенію-же къ первоначальнымъ краткимъ, удлиняющимся подъ главнымъ удареніемъ, Шлейхеровъ законъ вполнѣ справедливъ, такъ какъ онъ основывается на характеристической особенности литовского языка, чуждой даже ближайше родственнымъ литовскому языкамъ латышскому и прусскому; ср., напр., западноверхнелит. „vaanagas“ (ястребь), „eezcheraс“ (озеро), „aakq̃s“ (им. мн. глаза), „veedees“ (ведший), восточноверхнелитовской „vaanagas“: „vaanagəs“, „eezcheraс“: „eezchərəs“, „aakq̃s“, „veedq̃s“, нижнелит. „vaanaks“, „eezchers“, „aakis“, „veedis“ съ латышскими: „vanags“, „ezars“⁴⁾) и съ прусскими: „aakis“, „veddns“⁵⁾); — чуждой и древнимъ индоевропейскимъ языкамъ, ср., напр. западноверхнелит. „aavuč“, восточноверхнелит. „aavuč“, нижнелит. „aavi“ (вн. ед. овцу) съ древнеинд. „avim“, древнегреч. „o-in“, лат. „oem“. Такимъ образомъ есть сомнѣнія, что подъ влияніемъ исконнаго (не вторичнаго) главнаго ударенія первоначальные краткіе: „а“, „ө“ въ литовскомъ языке удлинились: въ однихъ говорахъ стали вполне *долгими*, въ другихъ *длиннотычи*ми или *гласными среднаго количества, открытыемъ*.

¹⁾ Gr d litt Spr. §§ 110, 171 и пр.

²⁾ Ostlitauische Texte, стр. XXVIII, 17—21.

³⁾ Ibid. XXVIII, 20—XXIX, 1.

⁴⁾ Bielenstein, die lettische Sprache, 1883. §§ 65, 7. 68, 2.

⁵⁾ Dr. E. Berneker, Die preussische Sprache, 1896. стр. 162.

которыхъ мы обязаны проницательной наблюдательности епископа Барановскаго¹⁾). Впрочемъ, удлиненіе гласныхъ подъ вліяніемъ ударенія замѣчается въ историческомъ развитіи и другихъ индоевропейскихъ языковъ; такъ напр. въ нѣмецкомъ „Vater“, произносимомъ какъ „faater“, продолженіе первоначально краткаго „а“ является послѣдствиемъ ударенія²⁾; латинскіе главноударяемые краткіе гласные въ романскихъ языкахъ произносятся протяжно: итальянское „paadre“ (лат. „pater“) по количеству гласнаго „аа“ равно „maadre“ (лат. „maater“)³⁾; въ новогреческомъ языкѣ сильноударяемые гласные произносятся протяжно, слабоударяемые — кратко: „kseennus (=др.-греч. „kse-nous“), „joenito“ (=др.-греч. „genoito“⁴⁾).

11. Акцентуація производить вліяніе и на окраску гласныхъ: слабоударяемый индоевропейскій гласный „а“ перешелъ еще въ прусско-латышско-литовскомъ прайзыкѣ въ „ее“, развившійся въ верхнелит. „ёё“, нижнелит. „҃ё“; слабоударяемые индоевропейскіе дифтонги „ei“, „ai“, „oi“, уцѣльвшіе въ прусскомъ языкѣ въ качествѣ „ei“, „ai“, занялиъ въ латышско-литовскомъ прайзыкѣ долгій монофтонгомъ „öö“, развившимся въ верхнелитовскія: „҃ё“, „iё“, „ёа“, нижнелит. съверозападный дифтонгъ „ёц“, юговосточный долгій монофтонгъ „цц“; слабоударяемый краткій индоевропейскій гласный „е“ въ литовскомъ прайзыкѣ перешелъ въ краткій „а“.

12. „Какъ всѣ явленія языка, тѣль и удареніе подвержено дѣйствію ассоціації⁵⁾.“

Прежде чѣмъ приступить къ объясненію Повевѣжской системы гласныхъ посредствомъ только что изложенныхъ тоническихъ законовъ, мы считаемъ нѣлишнимъ привести параллели къ симъ послѣднимъ изъ другихъ языковъ.

Графическое обозначеніе слабоударяемыхъ гласныхъ въ вѣ Ригведѣ⁶⁾ указываетъ, по моему крайнему разумѣнію, на

¹⁾ См. Ostlit. Texte, стр. XV и сл.

²⁾ См. H. Hübschmann, Das indogermanische Vocalsystem, 1885. стр. 90.

³⁾ См. H. Weil et L. Benloew, Théorie générale de l'accentuation latine, 1855. стр. 284.

⁴⁾ См. Fr. Blass, Über die Aussprache des Griechischen, zweite Auflage, 1882. стр. 107.

⁵⁾ Пам. Кн. Кон. губ. за 1893 г. Отд. II. стр. 119.

⁶⁾ Whitney, Ind. Gramm. 1879. § 87.

существование въ др.-индійскомъ языке соответствующихъ на-
шихъ первому и второму тоническихъ законовъ: „apidaatta“
соответствуетъ литовскимъ сильноконечнымъ „œ“, „oo“ и пр.,
„pratschaaja“ — литовскимъ сильноначальнымъ „ёё“, „oo“ и пр.
Въ сербохорватскомъ языке долгіе гласные въ слогахъ, силь-
ноналичные за главнымъ ударениемъ, имѣютъ сильноначальную
или исходящую интонацію, напр., „враабацаа“¹⁾, вслѣдствіе
чего чакавскіи: „господинъ“, „болесникъ“, „волео“ соответствуютъ штокавскія: „госпОДинъ“, „болесникъ“, „воВдео“ съ
исходящей интонацією въ конечныхъ слогахъ, въ силу соответствующаго патему 2-му тоническаго закона.

Др.-греческія окситонныя слова, напр., „leuka“, вслѣдствіе элизіи, получаютъ передневторичное ударение съ воско-
дищею интонацію, напримѣръ, „leuk' ostea“²⁾). Точно
также въ штокавскомъ нарѣчіи сербохорватскаго языка *передне-
вторичное* ударение всегда имѣть сильноконечную инто-
націю; такъ, напр., вместо чакавскіхъ: „вино“, „рука“,
„слуга“ и пр. по-штокавски говорятъ: „вино“, „рука“,
„слуга“ и пр., что объясняется дѣйствіемъ соответствующаго
нашему 3-му тоническаго закона.

Задневторичное ударение съ сильноначальной интонацію
представляетъ др.-греческій лінкъ въ звательныхъ надежахъ:
„basileu“, „Sapphoi“³⁾; по моему мнѣнію, прототипные звательные:
„*basileu“, „*Sapphoi“, съ начальнымъ индоевропейскимъ уда-
реiemъ (ср. „adelphe“: „adelphos“), вслѣдствіе тонического
усиленія конечного слова (ср. др.-інд. „agnaaZi“, Whitney,
Ind. Gramm. 1879. § 78, съ обычной формой звательного и.:
„agnee“) перешли въ „*basileu“, „*Sapphoi“, изъ которыхъ,
путемъ утраты начального уларенія, развились классической
формы: „basileu“, „Sapphoi“, подобно тому, какъ Тильз.
„saaljœe-tekis“, въ силу 4-го и 6-го законовъ, произошло изъ
„saaulœe-tekis“⁴⁾. Аналогичное съ этимъ явленіе мы видимъ въ
др.-індійскихъ: „vrshaa-kapi-s“, madjan-dina s, „daataasmi“

¹⁾ L. Masing, Die Hauptformen des serbisch-chorwatischen Accents, 1876.
стр. 83 и Р. Брандтъ, Начертаніе славянской акцентологии, 1880 стр. 48.

²⁾ D. C. Goettling, Allgemeine Lehre vom Accent der Griechischen
Sprache, 1885, стр. 375 и сл.

³⁾ У Гейтлинга въ цит. м. стр. 251.

и пр., въ которыхъ обычныя баритонные формы „vrshaa“ (съ ударяемымъ г), „madhja“, „daataa“ являются съ заднеавторичнымъ ударениемъ, интонація котораго, къ сожалѣнію, остается неизвѣстною.

Законъ о димоціи или разобщеніи сталкивающихся удареній господствуетъ въ древнееврейскомъ языкѣ, въ которомъ окситонная форма, напр. „qaagaа“, можетъ стоять передъ словомъ, не идущимъ начальшаго ударенія, какъ „qaagaа jaashim“ (Genes. I, 10); но передъ словомъ съ начальнымъ ударениемъ появляется переднеавторичное удареніе, напр. „qaagaа laajlaa“ (Genes. I, 5).¹⁾ Но результаты дѣйствія этого закона встрѣчаются и въ индоевропейскихъ языкахъ; такъ, напр. др.—инд. „tanii—параат“ по закону о димоціи удареній произошло изъ „*tanii—параат“; др.—греч. „egooge“, „emoige“²⁾ вмѣсто „*egooge“, „*emoige“, по тому же закону возникли изъ „*egooge“, „*emol-ge“: противъ объясненія этихъ формъ, предлагаемаго Я. Ваккернагелемъ³⁾ говорить род. пад. „emouge“, объясненіе же д-ра Г. Гирта⁴⁾ основано на тоническомъ законѣ, существование котораго весьма сомнительно; италіянскія „mortale“, „naturale“, лишившись конечнаго гласнаго и очутясь въ положеніи передъ начальными удареніями слѣдующаго слова, получаютъ ударъ стиха на предшествующемъ главному ударенію слогѣ: „mortal nemico“, „natural“ или „natural vincolo“⁵⁾; русскія числительныи: *пятью, шестью, семью* въ положеніи передъ начальными удареніями слѣдующаго слова становятся баритонными: *пятью два, шестью десять, семью сорокъ*⁶⁾.

Изслѣдованіе индоевропейскихъ интонацій въ неконечныхъ слогахъ встрѣчаетъ значительную помѣху въ томъ, что др.-индійскій языкъ, въ эпоху грамматиковъ, по всей вѣроятности утратилъ первоначальное различіе между исходящей и восход-

¹⁾ См. W. Gesenius, Lehrgebäude der hebräischen Sprache, 1817, § 51; E. König, Gedanke, Laut und Accent, 1874, стр. 193.

²⁾ Goettling, въ цит. м. стр. 365.

³⁾ Beiträge zur Lehre vom griechischen Akzent, 1893, стр. 20.

⁴⁾ Der indogerm. Akzent, стр. 89.

⁵⁾ См. H. Weil et L. Benloew, Théorie générale de l'accentuation latine, 1855, стр. 282.

⁶⁾ Р. Брапптъ, Начергание славянской акцентологии, 1880, стр. 312.

дающю интонациями¹⁾, въ др.-греческомъ же трехслоговой законѣ въ исключительныхъ только случаяхъ оставилъ слѣды индоевропейскихъ интонацій. Но некоторые факты др.-индійского и др.-греческаго языковъ свидѣтельствуютъ о существовавшемъ въ нихъ дѣйствіи закона, соответствующаго вышезложеному 7-му. Относящіеся сюда факты довольно многочисленны, во мы ограничиваємся здѣсь приведеніемъ некоторыхъ изъ нихъ; таѣль, напр., др.-инд. „пи-ти-а-с“, въ отличіе отъ „ра-ти-а-с“²⁾ удер-живаетъ накоренное удареніе, благодаря индоевропейской сильно-начальной интонаціи парѳчія „пиши“, „пиши“ (=др.-греч. πυῦν, исходящая интонація которого засвидѣтельствована грамматиками: „то πυῦν εριрреима он perispaatai³⁾; лит. „пиши“ въ выраженіи: „каа пиши daq̄ysjū“? что я теперь стану дѣлать? — у Куршайтиса: Gramm. d. litt. Spr. стр. 454 — преобразовано въ силу 8-го закона, а потому не можетъ свидѣтельствовать о первоначальной интонації); др.-инд. „ан-аша-с“, въ отличіе отъ adhamas⁴⁾ имѣть устойчивое удареніе, свойственное индо-европейской сильноначальной интонаціи, упѣлѣвшей, напр. въ тильзитскомъ „аант-вooзhas“ (крышка); др.-греч. „ει-οodes“, въ отличіе отъ „ει-εeethes“⁵⁾, и „κοοmion“, въ про-тивоположность пароситонному „paidion“⁶⁾, имѣютъ устойчи-вое удареніе, обусловленное сохранившуюся въ литовскихъ „шодzehjū“, „каацма“ (деревня, въ Велионскомъ говорѣ) индо-европейскою сильноначальною интонацію: предлагаемое „Wheeler-омъ⁷⁾ объясненіе не выдерживаетъ критики по отношенію къ „ει-οodes“.

Не касаясь остальныхъ тоническихъ законовъ, въ заклю-ченіе приведемъ здѣсь, какъ параллель къ 12-му положенію, про-красное объясненіе аттическаго „trapedzai pollai“ вышесто ожи-даемаго „trapedzai pollai“, предложенное Г. Мейеромъ⁸⁾, по

¹⁾ См. H. Hirt, жъ цит. и. стр. 21.

²⁾ См. Whitney Ind. Gr. § 124б е.

³⁾ См. Goettling, въ цит. и. стр. 398.

⁴⁾ Whitney въ цит. и. § 474.

⁵⁾ Goettling, въ цит. и. стр. 326.

⁶⁾ Ibid. стр. 233.

⁷⁾ Der griechische Nominalaccent, 1885. стр. 54 и сл.

⁸⁾ Griechische Grammatik, zweite Auflage, 1886 § 154.

котому ударение въ такихъ случаяхъ основывается на обобщеніи фонетически правильной антономальной формы *taipedzai eisir*.

Переходимъ къ обзору и объясненію вокализма Поневѣжскихъ говоровъ по отпношению къ А. *количество*, Б. *этимологическому значенію гласныхъ* и В. *акцентуаціи*.

А. Количество гласныхъ.

Вокализъ Поневѣжскихъ говоровъ подвергся безусловному вліянію акцентуаціи, вслѣдствіе чего въ немъ возникло такое разнообразіе количества гласныхъ, какого мы, за исключеніемъ смежныхъ говоровъ Шавельскаго уѣзда, въ литовскомъ языке никогда не встрѣчаемъ: въ нихъ господствуетъ пятивѣнная количественная система, состоящая изъ гласныхъ: 1. *кратчайшихъ* или *полунѣмыхъ*, 2. *краткихъ*, 3. *долгихъ* или *гласныхъ средняго количества*, 4. *длинныхъ* и 5. *предолнихъ*. Относительно пятивѣнной количественной системы вообще, си. E. Sievers, *Grundzüge der Phonetik*, zweite Auflage, 1881, § 28.

1. Между тѣмъ какъ пралитовскіе краткіе слабоударные гласные, т. е. не имѣющіе главнаго ударенія конечныхъ словъ, въ однихъ изъ современныхъ говоровъ литовскаго языка уцѣлѣли, въ другихъ исчезли безслѣдно, въ Поневѣжскихъ они занимаютъ переходную ступень, составляя категорію кратчайшихъ, едва замѣтныхъ въ произношеніи полунѣмыхъ гласныхъ, отношеніе которыхъ къ праткимъ, если количество послѣднихъ принять за единицу, можетъ быть выражено болѣею или менѣею дробью. Въ сѣверныхъ баритоницающихъ говорахъ Поневѣжскаго уѣзда той-же участіи подверглись и сильноударяемые конечные пралитовскіе краткіе гласные, такъ какъ баритонность грамматическихъ формъ восходитъ въ нихъ къ сравнительно отдаленному времени. Число полунѣмыхъ гласныхъ не вездѣ одинаково. По моимъ наблюденіямъ, произведеннымъ въ 1892 году и подтверждаемымъ устнымъ сообщеніемъ ксендза Ф. Гайгаласа, Поминскаго уроженца, Поминскій говоръ различаетъ четыре кратчайшия гласные: „*a*“, „*e*“, „*i*“, „*u*“, напр. въ „*daarbias*“ (работа), „*shpigelius*“ (дубъ), „*uacckje!*“ (обыкновенный зват. п. ед. ч. дитя! въ противоположность эмфатическому зват. „*uacckё*“, „*kashpige!*“ съ твердыми „*k*“ и „*g*“, развишемуся изъ „**uac-*

каац", „*kunignaç", „s_wškatje" (вертите, изъяв. накл.), „schirdis" (сердце), „a_wsis" (ухо), „dönt_s" (зубъ), „s_wšpn_s" (смыть), „l_wctes" (дождь), „sök_u" (перчу), „sukj_i" (вертишь), „s_wška" (вертить,— ять) и пр. По большинство Поневѣжскихъ говоровъ имѣть только два полузвѣмые гласные: „ə", въ которомъ фонетически совпали „a" и „u", по звуку, какъ сказано во введеніи, соответствующей краткому гласному смѣшанной артикуляціи: „oe"— и „i", въ которомъ совпали „i" и „e"; таковъ, напр., Посвольскій говоръ, въ которомъ вышеуказанные слова звучатъ: „daarbəs", „š_wszchalez" (съ твердымъ l), „uaçk_ji", s_wškatj_i, schirdis", „a_wsis", „dönt_s", „s_wšpn_s", „l_wctes", „sök_e", (съ твердымъ k), „sukj_i", „s_wške". Поневѣжские полузвѣмые гласные напоминаютъ собою французскій „ə caduc", напр. въ простонародномъ Парижскомъ выраженіи: „une tête d' pîre"¹⁾ и древнееврейскіе хатефы: „a", „e", „o", а также произносимую „шеву ə". На слухъ инодіалектнаго наблюдателя эти полузвѣмые гласные производятъ впечатление отсутствія всякаго звука; но Помпянскія: „daarbas", „laadas" (ледъ), „stoogas" (крыша) и Посвольскія: „daarbəs", „laadəs", „stoogəs" своими звучными согласными: „b", „d", „g", въ противоположность соответствующимъ Хвейданскимъ словамъ: „da-agps", „lets", „stwoks", указываютъ на несомнѣнное существование гласного элемента между кореннымъ согласнымъ и окончаніемъ „—s", элемента, который при тщательномъ наблюденіи легко различается слухомъ. Заслуга открытія въ литовскомъ языкѣ кратчайшихъ неопределенныхъ гласныхъ принадлежитъ, насколько мнѣ известно, доценту С.-Петербургскаго университета, г. Э. Вольтеру и живому его источнику, г. Бразайтису²⁾.

2. Краткие гласные Поневѣжскихъ говоровъ: „a", „e", „ja", „ё", „i", „ç", „o", „ö", „u", „sh", „oe", — о произошении которыхъ рѣчь была во введеніи, — имѣютъ двоякое происхожденіе: I. одни изъ нихъ соответствуютъ пралитовскимъ краткимъ: а. главноударяемымъ, въ односложныхъ словахъ и въ конечныхъ слогахъ не баритонничающихъ говоровъ, б. сла-

¹⁾ См. Gramont, Mémoires de la soc. Anthro. de Paris, т. 8, стр. 58.

²⁾ см. Приложение къ LIII-му тому Записокъ Ими, Акад. Наукъ, № 3. 1886. стр. 186 и слл.

боударляемъ въ неконечныхъ; II. другіе — долгими: а. въ конечныхъ слогахъ аа. слaboударяеуыхъ и бб. главноударныхъ, б. въ неконечныхъ слaboударлемыхъ, аа. какъ предшествующихъ главному ударенію, бб. такъ и слѣдующихъ за нимъ.

Примѣры: I) а. во всѣхъ баритоницающихъ и не баритоницающихъ говорахъ: „kas“ (это), „tas“ (тотъ, этотъ), „цие“ (не, нѣть), „joes“ (онъ); — только въ говорахъ не баритоницающихъ, напр., въ Вобольник.: „akjis“ (глазъ), „eschis“ (ось), „platus“ (широкъ), grazchus“ (красивъ), „katras“ (который), „anaz“ (оний);

II) б. во всѣхъ говорахъ: „raschäqtj“ (писать), „schakoom“ (дат. мн. вѣтвамъ), „gjagoom“ (дат. мн. ж. добрымъ), „seepçem“ (дат. мн. м. старымъ), „visoom“ (дат. мн. ж. вѣмъ), „schlußem“ (дат. мн. и. хронымъ);

III) а. аа. обще-попевѣж: „zehoodqs“ (им. ед. слово), „seepqs“ (старикъ), „seøne“ (старуха), „kaatge“ (корова), „saawla“ (солнце), „saaka“ (говорить, — ять), „bഷtva“ (онъ былъ, они были), „djeegje“ (озъ жесть, они жели), „vööndvo“ (Помпан.) = „shundo“ (Вобольн., вода), „laaqstö“ (поливаю), „laaqstö“ (поливаешь), „laaqstschtjö“ (я поливалъ), „laaqstö“ (ты поливалъ);

II) а, бб. въ Вобольн. г.: „arklqs“ (лошадь), „vezchlqs“ (ракъ) „gjesme“ (церковная пѣсня), „ljemö“ (талія; часть ствола отъ земли до вѣтвей), „rjemo“ (настухъ), „sakö“ (говорю), „sakë“ (говоришь), „sakjö“ (я говорилъ), „sakjë“ (ты говорилъ).

II) б, аа. Помпан и Вобольн.: „stogjœlqs“ (малая крыша), „rodjeelqs“ (малый горшокъ), „venštoljoekö“ (одиннадцать), „venolqckqs“ (одиннадцатый), Вобольн. „slogö“, „stebö“ (= Песн., „slshodö“ им. мн. предметы, посредствомъ которыхъ ленъ погружается въ воду, „stcevö“ (им. мн. стебли);

III) б, бб. обще-попевѣж.: „laaqstitj“ (поливать), „dçqfvañ“ (мы дѣлали), „djeegjäm“ (мы жели).

Появленіе такъ называемыхъ мною издолготныхъ краткихъ гласныхъ въ II, а, аа и III) б, бб. составляетъ результатъ дѣйствія отрицательной стороны Шлейхерова закона въ вышесказанномъ видѣ, между тѣмъ какъ краткіе въ II, а, бб. имѣютъ

ассоциативное количество, обвязанное своимъ происхождениемъ употреблію фонетически правильной формы, напр., „*рјешшо баритонной щидо.

Въ баритонничающихъ говорахъ, напр., Поморьяскомъ, Посвольскомъ и пр. существуетъ очень много неконечныхъ краткихъ гласныхъ, находящихся подъ современнымъ главнымъ ударениемъ, которое однако, при сравненіи съ соответственными формами не баритонничающихъ говоровъ, всегда оказывается передневторичнымъ; тѣль напр. вместо приведенныхъ подъ I, а Вобольникъ. формы упомянутые говоры признаютъ: „akjis“, „eschis“ „platəs“ и т. д.; стало быть, передневторичное ударение не удлиняетъ краткихъ гласныхъ, хотя оно, какъ ниже будетъ указано, съ течениемъ времени приобрѣтаетъ эту продолжительную силу, свойственную исконному главному ударению. Эти сильноударяемые гласные въ неконечныхъ слогахъ баритонничающихъ Поневѣжскихъ говоръ по происхождению своему вновь тождественны съ вторичноударяемыми краткими въ Веденскихъ и Тильзитскихъ: „suprasjū“ (мойму), „kjersjn“ (буду печь), „mazchasis“ (малый), и мы никакъ образомъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ д-ра Г. Гирта¹⁾, утверждающаго, что въ Тильзит. „gerasis“ сохранилось исконное ударение. Замыгичъ, наконецъ, что краткость гласныхъ подъ передневторичнымъ ударениемъ, какъ въ Поневѣжскихъ баритонничающихъ говорахъ, такъ и въ западноФорхелитовскихъ не баритонничающихъ, отнюдь не составляетъ исключения изъ положительной стороны Шлейхерова закона, такъ какъ последній примѣняется только къ неконечнымъ исконноударяемымъ гласнымъ.

3. Долговатые гласные Поневѣжскихъ говоровъ: „аа“, „еѳ“, „иЧ“, „иШ“, „иа“, „еѳ“, „ёё“, „її“, „Чч“, „öö“, „ии“, „иШ“ всѣ безъ исключенія произошли изъ пралитовскихъ неконечныхъ главоударяемыхъ краткихъ гласныхъ: „а“, „ѳ“, „Ч“, „и“, въ силу положительной стороны выше видоизмененнаго Шлейхерова закона, а именно, сильноконечно возникли въ монофтонгическихъ интонаціонныхъ единицахъ,

¹⁾ Der indogerm. Akzent, стр. 97.

сильнов начальные — въ дефтоэгическихъ, какъ вокальныхъ, напр., „вац“, „аш“, такъ и спорныхъ, напр. „ваг“, „ал“; поэтому я называю ихъ, въ случаѣ надобности, иссаратковскими долговатыми гласными, въ противоположность издолготнымъ гласнымъ средняго количества, встречающимъ въ другихъ восточноверхнелитовскихъ говорахъ. Примѣры: Помпян., Посв. „schaakö=Вобольн.“, „schaakut“ (вин. сд. вѣтвь), Помпян., Посв. „sjaanö=Вобольн.“, „sjaans“ (hénon, hénœen), Помпян. „ḡschä“; „s̄m̄ka=Посв., Вобольн.“, „ḡschë“ (связываетъ, —ють), „s̄m̄ko“ (вертать, —ять), Помпян., Посв., Вобольн. „kaaçlqz“ (овчина), Помпян. „kaamlas“ = Посв., Вобольн. „kaashlës“ (кость), „kaartës“ (общепоневѣж., жердь), Помпян. „kaalnas“ = Посв., Вобольн. „kaalnës“ (гора), „gjeertj“ (общепоневѣж., нить), Линков. „reemtre“ = Помпян. „rëemtra“ = Посв. „r̄impre“ = Криничин., Вобольн. „r̄chimre“ (пигалица). Линков. „saamtqz=Шомпян.“, „söömtqz“ = Посв. „saumtqz“ = Криничин., Вобольн. „s̄m̄mtys“ (Schöpföffel). Заслуга открытия въ литовской языѣ долговатыхъ гласныхъ принадлежитъ, какъ сказано выше, епископу А. Барановскому.

4. Поневѣжскіе долгіе гласные: „ы“; „ё“; „ы“; „oo“, „oo“; „ши“ и лифтоиги: „че“, „шо“ уцѣлѣли только въ главвоударенныхъ ископечныхъ слогахъ и изрѣдка въ главноударенныхъ ковечныхъ, а именно въ такихъ случаяхъ, которые те подверглись обобщенію соотвѣтственныхъ баритонныхъ формъ. Примѣры: Посв. „varaas-taaklys“ = Вобольн. „varaas-taakqz“ (шаутина), Помпян., Линков., Посв., Криничин., Вобольн. „taa“ (род. ед. того, этого), Помпян. „taas“ (род. ед. той, этой, и мн. мн. ж. р. тѣ, эта), общепоневѣжскія: „broolqz“ (брать), „tao“ (им. ед. та, эти=латыш., „taa“, прусск. „staa“); Помпян. „toos“ (вин. мн. ж. р. тѣ, эти=др. инд. „taas“); общепон. „dëstj“ (клесть), „raschütjtj“ (писать), „s̄m̄shqz“ (сырь), „lçetj“ (латъ), „d̄motj“ (матъ); Помпян. „zchöösis“ = Криничин. „zchöösis“ (им. ед. гусь), Помпян. „schööla“ = Вобольн. „schööle“ (мерзнетъ), Помпян. „töö“ Вобольн. „tish“ (вин. од.=др.-инд. „tam“ и „tam“).

5. Предолгіе гласные произошли въ Поневѣжскихъ говорахъ путемъ вторичныхъ процессовъ, напр. „zchmonoom“ (дат-

двойств. въ значеніи дательного и.е.—matronis) изъ „zchma-
naamatz“; и не имѣютъ значенія для литовской грамматизи.

Сравнивая только что изложенную Поневѣжскую пяти-
членную количественную систему съ четырехчленными: Оникшт-
скою (Вилюйского уѣзда), Дорбянскою (Тельшевскаго), Хвей-
данскою (Россіенскаго) и трехчленными; Велюнскою (Ковенскаго)
и Тильзитскою, мы замѣчаемъ во всѣхъ посѣднихъ отсутствіе
категоріи вратчайшихъ гласныхъ и, сверхъ того, довольно зна-
чительныя существенныя отклоненія.

а. Оникштскій говоръ, по изложению епископа Баранов-
скаго въ „Ostlitauische Texte“¹⁾), имѣть количественную систему,
состоящую изъ краткихъ, долговатыхъ, долгихъ и предолгихъ²⁾
гласныхъ. Категорія долговатыхъ въ этой системѣ гораздо многи-
гочисленнѣе, нежели въ Поневѣжскихъ говорахъ: Поневѣжеви-
иадолготиымъ краткимъ въ случаяхъ 2, II, а, аа—II, бб
соответствуютъ Оникштскіе долговатые гласные, напр., Вобольчик.
„zchoodq̄s“, „šwindo“, „arklq̄s“, „gjesme“, „rjemto“, „rodjeel-
q̄s“, „laaq̄stitj“ и пр., Помпин. „zchoodq̄s“, „vööndvo“,
„arklq̄s“, „gchesme“, „rçesho“, „rodjeelq̄s“, „laaq̄stitj“ и пр.
соответствуютъ Оникшт. „zchoodq̄s“, „rjeemto“, „roodjeelq̄s“,
„laaq̄stiq̄tj“ и пр.; по отношенію къ Оникштскому говору соче-
танія „ee“, „ЧЧ“ и пр. обозначаютъ слабоударяемые долговатые
гласные, первые съ восходящей интонаціею, вторые съ исхо-
дящей, въ отличие отъ ироичихъ говоровъ, въ которыхъ соче-
танія „ee“, „oo“ изображаются слабоударяемые долгіе гласные
съ сильноковчечной интонаціею, „ЧЧ“, „oo“ и пр. — долгіе
съ сильногачальнойю.

б. Въ Дорбянской системѣ категорія долговатыхъ, — въ
монофтонгическихъ интонаціонныхъ единицахъ — состоитъ изъ
„aa“, „ee“, „ii“, „uu“ съ сильноконечной интонаціею подъ
передневторичнымъ главнымъ удареніемъ, и изъ „aa“, „ee“, „ii“,
„uu“ съ сильносрединною — подъ искоеннымъ главнымъ, напр.
„kaasu“ (кошаю), „kas“ (кошаетъ,-ютъ), „kaasam“ (кошаемъ);
„veezchu“ (везу), „vezch“ (везетъ,-утъ), „veezcham“ (веземъ);
„riischu“ (связываю), „risch“ (связываетъ, -ютъ), „riischam“

¹⁾ Стр. XV и сл.

²⁾ Ibid. стр. XXVII.

(связываемъ), „*sukka*“ (верту), „*suk*“ (вертить, —ять), „*sukam*“ (вертимъ); односложные формы: „*kas*“, „*vezch*“, „*risch*“, „*suk*“ съ абсолютно краткими гласными приводятся здѣсь для сравненія съ долговатыми, какъ сильнокопечной, такъ и сильносрединной интонацій. По отношенію къ дифтонгическимъ интонационнымъ единицамъ Дорбянскій говорѣ вполнѣ согласенъ съ Хвейданскимъ, о которомъ рѣчь впереда. Поневѣжескимъ издолготныхъ краткихъ въ случаѣхъ 2, II, а, аа.—II, б, бб., Оникитскимъ издолготныхъ гласныхъ средняго количества соответствуютъ Дорбянскіе долгіе гласные или дифтонги, напр. „*undöpt*“, „*aaklipp*“, „*gätsmötö*“, „*rechtsö*“, „*pöndeels*“, „*laaqtqöt*“, за исключеніемъ словъ, подобныхъ „*zchwoedys*“, въ которыхъ и Дорбянскій говорѣ имѣть краткій гласный у.

b) Хвейданская система вообще сходна съ Дорбянской; но категорія долговатыхъ гласныхъ, въ монофтонгическихъ интонационныхъ единицахъ, подъ главнымъ удареніемъ, въ ней состоитъ только изъ „*a*“, „*e*“ съ сильноконечной интонацією, если въ томъ же словѣ имѣется второстепенное удареніе, и изъ „*a*“, „*e*“ съ сильносрединною, если въ томъ же словѣ имѣть второстепенного ударенія;значительно, что подъ второстепеннымъ удареніемъ первоначально краткіе „*a*“ и „*e*“ переходятъ не въ долговатыя, какъ подъ главнымъ, а въ долгіе сильносрединные: „*a*“ „*e*“, напр. „*taazchaaasis*“ (малый), „*Seethaaasis*“ (старый), „*ischpaleenis*“ (место за очагомъ), — „*taazchaa*“ (малъ), „*seenis*“ (старикъ); по первоначально краткіе гласные „*i*“, „*u*“, въ монофтонгическихъ интонационныхъ единицахъ вовсе не поддаются вліянію ударенія; ср. напр., Хвейданскій „*schis*“ (сей) и „*schizga ičë-s*“ (вотъ тебѣ на!) съ „*tas*“ (тотъ, этотъ) и „*taazga ičë-s*“ (также=вотъ тебѣ на!): между тѣмъ какъ „*a*“ въ „*taazga*“ звучитъ цѣнолько протяжнѣе, чѣмъ „*a*“ въ „*tas*“, „*i*“ въ „*schizga*“ вовсе не отличается отъ „*i*“ въ „*schis*“; точно также „*i*“ въ „*rischam*“ (связываемъ), „*u*“ въ „*sukam*“ (вертамъ) въ Хвейданскомъ говорѣ вполнѣ тождественны съ „*i*“ въ „*risch*“ (связываетъ, —ютъ) и съ „*u*“ въ „*suk*“ (вертить, —ять), въ которыхъ, по причинѣ односложности, долговатое количество решительно вс-

возможно. Въ дифтонгическихъ акцентуационныхъ единицахъ Хвѣданскій говорь представляетъ, какъ и въ монофтонгическихъ единицахъ, контрастъ между первоначально краткими „*ä*“, „*e*“ съ одной стороны, и „*i*“, „*u*“ съ другой; по этотъ контрастъ оказывается здѣсь вѣсколько иначе, а именно: „*a*“, „*e*“ переходятъ, подъ главнымъ ударениемъ, въ долгіе монофтонги „*aa*“, „*ee*“, „*aa*“, „*ee*“, краткие же „*i*“, „*u*“ въ долговатые „*ii*“, „*uu*“, „*ii*“, „*uu*“, передъ „*i*“, „*u*“ съ другой окраскою: „*Чч*“, „*шш*“, „*чч*“, „*шш*“; причемъ сильноначальная и сильносерединная интонаціи производятъ одинъ и тотъ же количественный результатъ; такъ, напр., въ Хвѣданахъ говорять: „*aawschtí*“ (*frigescere*): „*aawſchtí*“ (*lucescere*), „*baalns*“ (бѣлъ, по отношению къ цвѣту быка): „*baalns*“ (сѣдло), „*akis ſeerkti*“ (жмурить глаза): „*linis ſeerkti*“ (мочить ленъ); но „*vígsma*“ (будемъ варить); „*vígsma*“ (будемъ опрокидываться), „*kunis*“ (будетъ топить, будутъ т.): „*kunis*“ (который изъ многихъ), „*gçqatlí*“ (запрещать): „*gçqatlí*“ (гнать), „*guqschis*“ (сущ., хромой человѣкъ): „*riqqli*“ (взг. ед. м. и ж. великолѣпный, великолѣпную). Издолговыхъ краткихъ Поневѣжскаго говоровъ и издолготныхъ гласныхъ средняго количества Оникитскаго говора соотвѣтствуютъ пижелитовскіе долгіе въ томъ и другомъ поднарѣчіи; такъ напр. реченіе „*uqēdçēlçé*“ (налишь) имѣеть три дифтонга „*çé*“, по количеству вполнѣ тождественные съ неконечнымъ „*çé*“ въ „*lçéekti*“ (лететь); въ Хвѣдан. „*gudšš*“, Дорб. „*gudbó*“ (им. ед. осень) слогъ „*dšš*“: „*döösh*“ имѣеть тоже количество, что неконечный „*dšš*“; „*döösh*“ въ словѣ „*dššibí*“: „*dööshibí*“ (вин. ед. яиу); конечный слогъ въ Хвѣдан. „*aqkíqçís*“, Дорб. „*aqkíqçís*“ (лошадь), но отличается по количеству отъ слога „*lççí*“ въ речевніи „*lççí*“ (вин. ед. форму); Хвѣдан. „*tççí*“, Дорб. „*tççí*“ (им. мн. и. тѣ, эти) и первый слогъ слова „*tççísa*“; „*tççísa*“ (вин. ед. правду) имѣютъ одно и тоже долгое количество; въ Хвѣдан. „*tööb*“, Дорб. „*töösh*“ (инн. ед. ту, эту) и въ первомъ слогѣ глагола „*tççísa*“; „*tççísa*“ (растягиваетъ, — ють) нѣть никакого количественного различія. Точно также пражтовскіе долгіе въ слабоударяемыхъ неконечныхъ, какъ аутентоническихъ, такъ и посттоническихъ слогахъ, удерживаютъ иско-

ное количество: Хвейдан. „р̄чм̄шш“ (пастухъ), „laastq̄ti“ (полавать).

Р. Велюнскій и Тильзитскій говоры не имѣютъ вовсе ни полуцѣвыхъ, ни долговатыхъ гласныхъ. Вместо восточноверхнелитовскихъ и жемайтскихъ искраткостныхъ долговатыхъ „аа“, „еे“, въ монофоническихъ интонационныхъ единицахъ, западно-верхнелитовское поднарѣчіе употребляетъ долгіе моногонги „аа“, „еे“, напр. Велюн. „maazchas“ (иаль). „sjaanis“ (старикъ), Тильзит. „maazchas“, „seenis“ — Помпян. „maazchas“, „seenq̄s“ — Хвейдан. „maazchas“, „seenis“ — Дорб. „maazchus“, „seenq̄s“; въ 1853 году я лично наблюдалъ произношеніе литовской жемайтии, родомъ изъ Тильзита, и нашель, что искраткостный долгій гласный „аа“ въ словѣ „kaasa“ = Хвейдан. „kaaza“ (вин. ед. косу водѣ) и по природѣ долгій „аа“, произшедший изъ пралитовскаго риностоматического гласнаго „аа“, въ „aasa“ = Хвейдан. „b̄nsa“, Жвинг. „aansas“, латин. „ansam“ (вин. ед. ушка у сосуда) именуютъ въ Тильзитскомъ говорѣ одно и тоже долгое количество. — Вместо восточноверхнелитовскихъ „ч“, „ши“ и съверозападныхъ жемайтскихъ „i“, „и“ въ Велюнскомъ и Тильзитскомъ говорахъ точно такъ же, какъ въ юговосточныхъ жемайтскихъ, произносятся краткіе „i“, „и“, напр. Велюн. „visas“ (весъ), „biuvi“ (онъ былъ, они были), Тильзит. „visas“, „biuva“, Хвейдан. „visas“, „biuva“ — Дорбля. „v̄isus“ „biuva“, Помпян. „v̄q̄sas“, „biuva“, Оникшт. „v̄q̄sas“, „biuva“. — Вместо Поневежскихъ издолготныхъ краткихъ въ главноударяемыхъ конечныхъ слогахъ и въ слабоударяющихъ антетоническихъ и посттоническихъ неконечныхъ, и соответствующихъ имъ Оникштскихъ издолготныхъ гласныхъ средняго количества за альноверхнелитовское поднарѣчіе, въ полномъ согласіи со всѣми жемайтскими говорами, употребляетъ пралитовскіе долгіе; ср. напр. Велюн. и Тильзит. „v̄eējeljēō“ (валинь), „giidšo“ (осень), „arklīq̄s“ (лошадь), „t̄qe:tiē“ (ни. ми. и. тѣ, эти), „taa (ту, эту) съ приведенными подъ б. нижнелитовскими юговосточными и съверозападными словами и съ Песв. „vegēla“, Помпян. „r̄dvo“, Вобольн. „rudo“, „arklīq̄s“, „tje“, „taa“ — Помпян. „tōō“ (=др.-инд. „taam“, др.-греч. „teen“: „taan“), съ ископицѣемъ количествомъ; Онакшт. „veegeela“, „rudo“,

„arkl^ыs“, „tjeθ“, „t^ыsh“. Замечательную особенность западно-верхнелитовского подпаръчія составляютъ главноударяемые краткие „а“, „е“, напр. Велюс. и Тильзит. „plaksju“ (булу съчь розами), „deksju“ (булу жечь) вместо Хейдан. „pl^ыaksu“, „deeksu“, Дорбап. „plaaksju“, „deeksju“. Эти и т. п. примѣры составляютъ только кажущееся исключение изъ положительной стороны Шлойхерова закона, исключenie, которое объясняется вторичностью современного ударения въ приведенныхъ формахъ, вместо которыхъ восточноверхнелитовское подпаръчіе, въ не баритопнящающихъ говорахъ Повезѣжского уѣзда, напр. въ Вобольник. „plaksi“, „deksi“, Оникшт., Комайскомъ (Новоалександровъ) „plaksji“, „d^ыeaksji“, — употребляетъ врангитовскія окситонные формы. Итакъ Велюн, Тильзит. „plaksju“, „deksju“ и т. п. имѣютъ краткие гласные „а“, „е“, подъ передпевторичнымъ главнымъ ударениемъ, подобно Помпен., Песв. и пр. „plaksi“, „deksi“ и приведенные подъ 2 „akjis“, „eschis“ и пр. Такъ какъ докторъ Г. Гартъ¹⁾ не считаетъ этихъ главноударяемыхъ краткихъ гласныхъ достовѣрными, то и, въ доказательство ихъ полной достовѣрности, сообщю здѣсь соответственныя категоріи грамматическихъ формъ Велюнского говора, въ которомъ, раздомъ съ исконоударяемыми „aavī“ (овну), „eəzchi“ (вин. ед. ежа), „kaasa“ (копаетъ,-ютъ), „kjaara“ (щечетъ, покутъ), употребляются, по моимъ наблюденіямъ, вторичноударенія: 1. будущее время „kjepsju“ (буду печь), „kjepsi“, „jis kjeps“, „kjepsimja“, „kjepsitja“, „jче kjeps“; 2. условное накл. „asch kjeptschjām“, „kjær schja“, „kjepitsch“, „tu kjepitum“, „jis kjepiti“ (ср. Оникшт. „atsj^ыst^ыsh“ — онъ прислалъ бы — Ostlit. Texte, стр. I, 20), „kjepitumēmja“ „-mēm“, „kjepitumētja“, „-mēt“; 3. повелительное наклоненіе „kjerk“, „kjerkimja“, „kim“, „kjerkitja“, „-kit“; 4. краткое прошедшее пасов. „kjerdava_m“ и т. д.; 5. неопределенное накл. „kjepsti“, „kjertj“; 6. синхроническое причастіе „kjebdamas“ и „kjaabdamas“; 7. одновратный видъ „slapteljēstj“ (остановиться); 8. предложные глаголы, напр. „ra-njeschu“ (а въ состояніи нести), „pradjedu“ (начинаю), „at-imu“ (отнимая), „ap-rischu“ (обвины-

¹⁾ Der indogerm. Akzent, стр. 69.

ваю), но „aat-i-sis“ (отдыхъ); 9. имен. ед. м. р. членныхъ прилагательныхъ, напр. „gjerasis“ (добрый); 10. предлогъ „рас“ (ср. „kas“ кто, „tas“ тотъ): „рас каа вица?“ (у кого ты былъ?); 11. сравнительная степень прилагательныхъ, напр., „gjerjēsnis“ (им. ед. м. р. лучшій), въ противоположность Куршайтисову „geresnis“¹⁾. Такимъ образомъ примѣры краткихъ „а“, „е“, собранные въ изслѣдованіи проф. А. Лескіна²⁾, подтверждаются фактами Веліонскаго говора; разногласіе между Тильзитскимъ и Веліонскимъ говорами, насколько миѣ известно, ограничивается тремя случаями: причастіе прош. вр. страд. залога, вивословный глаголъ и сравнительная степень въ Веліон. говорѣ звучать „kjaaptas“, „kjaabdinu“, „gjerjēsnis“, къ которымъ можно присовокупить параллельную форму синхронического причастія „kjaabdamas“. Что удареніе въ Веліонск. и Тильзит. „kjepsju“, „kjerpnu“ вторично, доказывается не только мѣстомъ ударенія восточно-верхне-литовскихъ: „kjapsju“, kjartsh, но и окраскою Веліонскаго гласного „је“ сравнительно съ „kjaara“. Для опредѣленія границъ, въ которыхъ употребляются краткие „а“, „е“ подъ передневторичнымъ удареніемъ неконечныхъ словъ, присовокупляю, что въ нижнелитовскомъ Тенепскомъ говорѣ (Россіенскаго у.) произносится „plaksu“, „deksu“ вместо употребляемыхъ въ смежномъ Хвейданскомъ приходѣ „plaksu“, „deeksu“, и что изъ сообщенныхъ г. Э. Вальтеромъ образцовъ двухъ говоровъ Шавельскаго уѣзда, говоръ а) употребляетъ „рајешо“, „пинесчіj“, nzchdøegtj вместо соответствующихъ въ говорѣ б) „раајешо“, пинесчіj, nzchdoegtj³⁾.

Изложеніемъ здѣсь фактамъ литовской діалектологіи противорѣчать взгляды новѣйшихъ изслѣдователей; такъ, напр., проф. А. Лескінъ⁴⁾ ставить на одну доску всѣ первоначально краткие „а“, „е“, „і“, „и“, утверждая, что они всѣ подъ главнымъ удареніемъ въ западно-верхне-литовскомъ подиарѣчіи переходятъ въ долговатые „аи“, „еи“, „ії“, „иі“; но въ дѣйствительности

¹⁾ Gramm. d. litt. Spr. §§ 370, 782.

²⁾ У д-ра Г. Гирта, въ цит. м. стр. 58 и сл.

³⁾ См. Приложение къ ЛПН-му тому Записъ Имп. Академіи Наукъ, № 3. 1866 г. стр. 138 и сл.

⁴⁾ У д-ра Г. Гирта въ цит. м. стр. 60—63.

это мнѣніе справедливо лишь по отношенію къ восточноверхнелитовскому и сѣверо-западному жемайтскому поднарѣчіямъ, такъ какъ въ изслѣдованныхъ мною западноверхнелитовскихъ и юго-говосточныхъ жемайтскихъ говорахъ между „а“, „е“ и „і“, „и“ существуетъ контрастъ: „а“, „е“ въ первыхъ подъ исконнымъ главнымъ удареніемъ переходить въ рѣшительно долгіе гласные „аа“, „еө“, въ дифтонгическихъ сильноначальныхъ интонаціонныхъ единицахъ въ „аа“, „еө“, но подъ передне вторичными удареніемъ остаются краткими „а“, „е“, подобно тому, какъ „і“, „и“ остаются краткими даже подъ исконнымъ главнымъ удареніемъ; въ послѣднихъ же „а“, „е“, какъ подъ исконнымъ, такъ и подъ передне вторичными удареніями, за исключеніемъ дифтонгическихъ сочетаній, переходить въ долговатые „аа“, „еө“, или „аа“, „еө“ смотря по присутствію или отсутствію второстепенного ударенія въ томъ же словѣ, но „і“, „и“ въ томъ и другомъ случаѣ остаются краткими „і“, „и“. По моему мнѣнію, проф. А. Лескинъ и его послѣдователи: Р. Гиртъ¹⁾ и F. de Saussure²⁾ несправедливо обобщаютъ открытие моего глубоко-чтимаго учителя, епископа Бараповскаго, приписывая западноверхнелитовскому поднарѣчію категорію долговатыхъ гласныхъ, свойственную только восточноверхнелитовскому и сѣверозападному нижнелитовскому поднарѣчіямъ, а также, съ существеннымъ ограниченіемъ, и юго-говосточнымъ жемайтскимъ говорамъ. Прибѣгать же къ не существующему въ данномъ говорѣ среднему количеству для объясненія сильноконечной интонаціи западноверхнелитовскаго вин. ед. ж. р. „taa“ (ту, эту), по количеству гласнаго „aa“ не отличающагося отъ первого слога глагола „taasoo“ = хвейдан. „təōnsa“ (растягиваетъ, — ють), какъ это дѣлаетъ Ф. Н. Финкѣ³⁾, я считаю погрѣшностью противъ строгопаучаго метода изслѣдованія.

Б. Этимологическое значеніе гласныхъ.

Послѣдствіемъ дѣйствія тоническихъ и звуковыхъ законовъ является совпаденіе въ одномъ и томъ же гласномъ двухъ или

¹⁾ Въ инт. ж. стр. 91.

²⁾ Mémoires de la soc. de lingu de Paris, т. 8, стр. 497.

³⁾ Über das Verhältnis des baltisch-slavischen Nominalaccents zum Indogerm., стр. 20.

трехъ первоначально отличныхъ другъ отъ друга звуковъ, такъ что этимологическое значеніе ихъ можетъ быть раскрыто только сравнительнымъ изслѣдованиемъ, результаты котораго вкратцѣ даются илагаются.

Въ полузвѣмомъ „*e*“ совпадали пралитовскіе гласные „*a*“, „*u*“, „*aa*“ и „*oo*“, напр. Посв. „*laškəs*“ (поле), „*sūšnəs*“ (сынъ), „*zchmoono*“ (замужня), „*zchmoonəs*“ (matronas), „*sōka*“ (верчу), возникли изъ *laškas*, *sūšnus*, **zchshaala*, **zchmaa-naas*, „*sukōö*“.

Поневѣжскій гласный „*a*“ соотвѣтствуетъ не только пралитовскому „*a*“, въ которомъ совпадали индоевропейскіе „*a*“ и „*o*“, напр. Посв. „*algə*“ (жалованіе)=др.-греч. „*alpheo*“ индоевроп. **alghaa*“, „*avis*“ или „*avjaala*“ (овца)=др.-греч. „*o-is*“, латин. „*ovis*“,—но и пралитовскому „*e*“, напр. Посв., Вобольн. „*lādəs*“ (ледъ), Посв. „*lasə*“ Вобольн. „*lasoe*“, Помор., Вобольн. „*lōntə*“ (доска) вмѣсто Тильзит. „*leedas*“, „*lesu*“ (влюю), „*lenta*“. Въ пралитовскомъ чередовались, въ силу 11. закона, „**ledas*“ (им. ед.), „**ladōö*“ (творит. ед.), „**ladaaç*“ (им. мн.); „**lasōö*“ (1 л. ед.), „**lasēë*“ (2 ед.), „**lesa-t-*“ (3 ед., двоист. и мн.); „**lantaä*“ (им. ед.), „**lantaas*“ (род. ед.), „**lantaam*“ (внн. ед.), „**lantaas*“ (им. мн.), изъ которыхъ Поневѣжскіе говоры обобщили „*a*“, западноверхнелитовскіе и жемайтскіе „*e*“. Такое обобщеніе той или другой формы встрѣчается весьма часто; ср., напр., Тильзитскія „*māpoti*“ (лгать), *melaagis* (лжець), въ которыхъ обобщенъ гласный „*e*“ существительного „*meelas*“ (ложь), съ фонетическими правильными Хвейданскими „*mašinti*“ (лгать), „*malaagis*“ (лжець), „*mał-gąstę*“ (ложь), „*maštę dąyna*“ (день джи=1 Апрѣля), которымъ не ушло въшедшее изъ употребленія „*meelas*“.

Въ краткомъ „*e*“ совпадали пралитовскіе „*öö*“, „*ee*“ и изрѣдка „*a*“; ср. Вобольн. „*stebə*“ (=Посв. „*stq̄ebē*“, Хвейдан. *stq̄baa*“, Ретов. „*stęq̄baa*“, им. мн. стебели), Посв. „*vegjēëla*“ (=Тильз. „*veēgjēëljēë*“ Хвейд. „*vęgq̄elq̄ë*“ палимъ); Вобольн. „*eschis*“, Посв. „*eschis*“ (=Тильз., Хвейд. *as-chis*, латин. *axis*).

Вмѣсто пралит. „*ja*“, „*e*“, „*ee*“ употребляется „*ja*“, напр. въ Посв. „*valjgjaš*“ (кушаніямъ), „*sjaanəs*“ (старь), „*vaaljgjam*“ изъ „*valgēme*“ (мы кушали).

Краткий гласный „и“ соответствует пралитовскимъ „и“, „иц“, „ији“, „ија“, „-joo“, „-jen“; напр. въ Вобольн. „akis“ (глазъ), „laaistitj“ (=Тильз. „laaistiqti“, Хвейд. „laastiqti“, поливать), „vasaroojis“ (=Тильз. „vasaroojus“, Хвейд. „vasarshojs“, яровое хлѣба); Помцан. „vertschij“, „vertschint“ (=Тильз. „vertschij“, „vertschiant“); Вобольн. „mischkji“, Пось. „mischkji“ (=Тильз. „mischkje“ =праздн. „*mischkj-en“, мѣстн. ед. въ лѣсу); изъ „Bertschjishnö“, „Dumblijshnö“, „Melijsnö“ (деревни: Берчуны, Криничинского прихода, Думблюны и Мелюны, Вобольн. пр.) образуются ласкательные „Bertschinööljé“, „Melinööljé“, „Dumblinööljé“ (деревни Берчинели и Мелинели, Вобольн. пр., Думлинели, Помцан. пр.) посредствомъ сокращенія „иши“ въ „и“ и перехода въ „и“.

Въ краткомъ „о“ совпадли пралит. „oo“ и „aa“; ср., напр., Помцан., Пось., Вобольн. и пр. „podjeeljs“ (малый горшокъ), „stogjeeljs“ (малая крыша) съ Велон. „rmodjeelis“, „stoogjeelis“, Хвейд. „rashdeelis“, „stwoogjeelis“, Ретов. „rashdeelis“, „stwoogjeelis“.

Краткий гласный „у“ соответствуетъ пралитовскимъ „и“, „иц“, „-oo“, „-ap“, напр. въ Вобольн. „platus“ (широкъ) „tu“ (ты), „si učigi“ (съ мужемъ), „si mergi“ (со служанкою).

Поневѣжскіе гласные „-ô“, „-ë“ произошли изъ пралитовскихъ „-аш“, „-ааш“, „-аац“, напр. въ Вобольн. „sunö“ (зв. ед. сынъ!), „sunös“ (род. ед. сына), „sakö“ (говорю), „sakë“ (говоришь), „sakjö“ (я говоришь), „sakjë“ (ты говорилъ), „vaçkö“ (им. мн. дѣти), „rönkë“ (дат. ед. руѣ), „si vaçkës“ (съ дѣтьми), „gjarë“ (парѣч. хорошо), —Пось., Помцан. и пр. „siašnö“, „siašnös“, „sakö“, „sakë“, „sakjö“, „sakjë“, „vaçkë“, „rönkë“, „si taçkës“, „gjarë“ —праздн. „*siašnash“, „*siašnash“, „*sakaash“, „*sakaac“, „*sakëö“, „*sakjëö“, „*vaaju-k-aaç“ (собственно: слабыя, ср. др.-инд. „vaaju-s“ слабый, латыш. „vaajsch“, „vaajqgs“ слабый, —отсюда: дѣти), „*drankaac“ (ср. др.-греч. „drak-s“ рука, вм. „*druk-s“, и латыш. „ria-druak-ne“ рукавъ), „*sam“, „*vaajukaac“, „gora-aaç“.

Краткий гласный „oe“ замѣняетъ собою пралит. „-aa“,

„-i-“, напр. въ Вобольн. „ljoegoe“ (им. ед. болѣнь), „*ljoegoes“ (morbos) — Посв. „ljoegə“, „ljoegəs“ — пралит. „*ligas“, „*ligaas“; Вобольн., Посв. и пр. „joes“ (ошь) — пралит. „*jis-vaç“; Розал. „ujoeschtə surjoeschta, tvoroon ukjeschtə“ — Хвейд. „vischta surischta, үчкъ тшога үкисча“ (загадка: вурица связана, въ заборъ воткнута — лозы, связывающія другъ съ другомъ колъя забора).

Поневѣжскій долгій гласный „öö“ соотвѣтствуетъ индо-европейскимъ „ee“ и „aa“, напр. Вобольн., Помпин., Посв. и пр., „döösı“ = Тильз. „döösju“ = др.-греч. „theesoo“; Вобольн. Посв. и проп. „gislëëtəs“ = Тильз. „gçqslootas“ = Хвейд. „gçqslotəs“ (съ выдающимися жилами). Въ періодъ прусско-латышско-литовскаго единства слабоударяемый индо-европейский гласный „aa“, въ силу 11-го закона, перешелъ въ „ee“, такъ что рядомъ съ „*algaas“ (=др.-греч. „alpheē“: „alphaa“ — индоевроп. „*alghaa“, съ звннез. „gh“) появилось „rus-algee“ (=Тильз. „rus-algjöe“ половина жалованія). Вслѣдствіе того, склоненіе основъ на „-aa-“ въ пралитовскомъ языкѣ представ-ляло слѣдующій видъ: им. ед. „*ginslaa“ (жили, —др.-инд. „hinstaa“ въ значеніи нѣм. Schlagader, отъ индоевроп. корня „ghins“, бить), „*daçnaa“ (народная пѣсня), „*mergaa“ (служанка); род. ед. „*ginslaas“, „*daçnaas“, „*mergaas“; дат. „*ginslēq“, „*daçnēq“, „*mergēq“, вин. „*ginslēem“, „*daçnēem“, „*mergeem“ и т. д. Въ современныхъ говорахъ совершилось обобщеніе одного изъ видовъ основы „-aa-“ или „-ee-“; такъ, напр., въ „Хвейдайскомъ“ говорѣ одинаково употребительны: „daçna“, „merga“ и „daçnē“, „mergē“, въ Тильзитскомъ же обобщенъ одинъ только видъ: „daçna“, „merga“; въ Хвейдан. „gçqsla“ и въ Тильз. „gçqsla“ обобщенъ видъ основы, свойственный падежамъ съ сильно-ударяемымъ окончаніемъ, между тѣмъ какъ въ Поневѣжскихъ говорахъ получилось перевѣсь видъ, свойственный баритоннымъ падежамъ: Вобольн. им. ед. „gçqsla“ изъ „*ginslē“ (ср. Вобольн. „saashla“ = „*sawslē“), вин. „gçqslī“ (съ твердымъ I), прилаг. „gislëëtəs“.

Долгій гласный „çç“ соотвѣтствуетъ первоначальному „çç“ и пралитовскимъ риностоматическимъ „in“, „ee“, напр. въ

Вобольв., Посл. и пр. „včqręs“ (=др.-инд. „včqras“), „gčqvař“ (=др.-инд. „dzchvčvas“), „gčqsla“ (=др.-инд. „hinsraa“, Хвейл. „gčqrsla“), „arkčqstj“ (=Живаг. „arkeθensti“, Хвейд. „arkeθ̄sti“, tolerare); Помпин. Вобольв. „trčqschj“, „trčqschjō“, „trčqschjtj“ (уваживать)=Велюн. „trjaaschju“, „trjaaschjāš“, „trjaaschjtj“ (ср. у каноника Даукшаса въ Постиллѣ 1599 г. „intrensze“—стр. 625, 31—). Кстати замѣтимъ, что проф. А. Лескінь¹⁾ и О. Вадеманъ²⁾ несправедливо приписываютъ краткій гласный „i“ поставленному Куршайтисомъ, на стр. 465, б, 45 Литовско-иѣм. словари, въ скобкахъ: „trisziu“, „trisziau“, „trisziu“, безъ знака ударенія, и, ошибочно, съ гранисомъ надъ первымъ „i“: „triszti“; по Куршайтису, на основаніи первого правила, высказанного имъ въ предисловіи къ названному словарю, на стр. XI, за вѣрность такихъ словъ ве ручается. Итакъ „trisziu“, съ краткимъ кореннымъ гласнымъ, надо считать не существующимъ глаголомъ, высеченнымъ изъ Нессельманнова словаря 1850 г., (стр. 116, в, 29) въ словарь Куршайтиса вслѣдствіе недоразумѣнія и непониманія старого однодialectаго восточно-верхнелитовскаго правописанія, по которому „i“ обозначаетъ не только первоначально долгій гласный „чч“, но и возникнувшій въ риногоматическихъ „i^o“, „e^o“ также долгій „чч“; ср. напр. въ Ширвадсовомъ словарѣ 1718 г., на стр. 61, а: 34, „trisiu“ (stercoro), 36, „triszimas“ (stercoratio), 40, „aptrisztas“ (stercoratus); 163, а, 1: „trisztas“ (stercoratus)=Помпин. „trčqschj“, „trčqschim_{as}“, „aptrčqschitas“, „trčqschtas“=Велюн. „trjaaschju“, „trjaaschimas“, „aptrjaaschitas“, „trjaaschtas“=иранск. „*treñschjō“, „*treñschimas“, „*apitreñschitas“, „*treñschtas“.

Поневѣжскій гласный „oo“ представляетъ собою пралитовскій и индоевроп. долгій „aa“, напр. въ Помп., Посв., Вобольв. „broolqz“ (брать) изъ „*braatr-Чч-s“, перешедшаго, вслѣдствіе диссимилиаціи, въ „*braatl-Чч-s“ въ которомъ „t“ передъ „l“ подверглось законному исчезновенію; ср. латин. „fraater“, Хвейдан. „br̄shoterēsh-tčqz“ (браться) и ласкательное, употребляемое въ народной поэзіи „br̄shotoreelis“ (братецъ).

¹⁾ Der Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen, 1884. стр. 90.

²⁾ Das litauische Präteritum, 1891. стр. 75.

Въ Поневѣжскомъ „ши“ совпади пралитовскіе „ши“, „и“ и, въ большинствѣ говоровъ, „ан“; напр. Помпян., Посв., Вобольн. „шишнэс“ (*shishnas*)=др.-инд. „шишни-с“, „дышнё“ (им. мн. дѣнь, ср. др.-инд. „дхишнас“); „apskriptj“=Хвейд. „apskripti“ (обвинить); Посв., Криничан., Вобольн. „zehu-*sis*“ (гусь), „шишэ“ (ушко у сосуда)=Помпян. „zehöös“; „öösa“=Жвиг. „zehansis“, „ansa“=Хвейд. „zehansis“, „önsa“ (=латин. „ansa“); вин. ед. и въ Помпян. говорѣ звучить „zehuissq“, „шишб“, = Криничин., Вобольн. „zehuissq“, „шишш“ (=латин. „ansam“). Особеннаго вниманія заслуживаетъ соотношеніе между Помпянскими вторичноударенными: „zehöös“, „öösa“ и издревле имѣющими накоренное удареніе: „zehuissq“, „шишб“: окраска гласного даетъ намъ возможность судить объ исконномъ мѣстѣ ударенія; такъ, напр., Помпянское „schööla“ (=Криничин., Вобольн. „schwile“=Тильзит. „schaala“; ср. „zchweiei nuszanla“, *frigore lacduntur*, у кан. Даукшайса — въ Постилѣ 1599 г. стр. 379, строка 47) указываетъ на первоначальную акцентуацию: „*schana-la“, что чрезвычайно важно для литовской сравнительной топологии. — Замѣтимъ кстати, что на основаніи фонетически правильного соотношенія между восточноверхнелитовскими формами „schööla“, „schwile“ и Тильзитскою „schaala“ (мерзнетъ), д-ръ Куршайтисъ¹⁾ и епископъ Барановскій²⁾ вполнѣ правильно предполагаютъ для прототипной формы риностомитической гласный „ан“, существование котораго въ разматриваемыхъ основахъ настоящаго времени подтверждается Даукшасовыемъ „nuszanla“. Въ виду этихъ фактовъ, крайне странно показаніе проф. А. Лескина³⁾ и О. Видемана⁴⁾ что восточноверхнелитовские говоры въ названныхъ формахъ не представляютъ обыкновеннаго соответствія пралитовскому „и“, Тильзитскому „а“; въ подтвержденіе своего мнѣнія Лескинъ приводитъ Ширвидасово „schalii“, которое дѣйствительно находится въ „Dictionary trium linguarum 1713“ на стр. 143, b, 31; но такъ какъ на стр. 551, b, 21 того же словаря имѣется вполнѣ

¹⁾ Gramm. d. litt. Spr. § 403.

²⁾ Ostlit. Texte, XVIII.

³⁾ Der Ablaut d. Wurzels. im Lit. str. 124.

⁴⁾ Das lit. Prät., str. 72.

правильная восточноверхнелитовская форма „schalu“ (съ твердымъ „l“, frigesco)=Помпян. „schööla“, Криличин., Вобольн. „schishlə“, то сказанное „schalu“ слѣдуетъ считать опечаткою, или, что менѣе вѣроятно, параллельного формою къ „schulu“; предполагаемое же Бидемапомъ восточноверхнелитовское „*balu“ не имѣть никакого основанія, такъ какъ Тильзитскому „balu“ фонетически правильно соответствуютъ Помпян. „böölu“, Криличин., Вобольн. „bishiłə“.

Индоевропейскіе дифтонги „ei“, „ai“, „oi“ въ слабоударяемыхъ слогахъ, въ періодъ латышско-литовского единства, въ силу 11-го закона, перешли въ долгій монофтонгъ „ёё“, развиившійся въ Поневѣжскихъ говорахъ въ дифтонгъ „че“, напр. въ Помпян. „dçepa“ (день), „gçedra“, (вѣдро), „rçemō“ (пастухъ), Посв. „dçepē“, „gçedrə“, „rçeshō“, Вобольн. „dçepē“, „gçedrə“, „rjeshō“ (= прусск. „deipa“, др.-греч. „phaidraa“, индоевроп. „*ghaidraa“ ясная, др.-греч. „roïsheen“). Но такъ какъ пралитовское склоненіе, напр., основъ на „a-“, съ однимъ изъ упомянутыхъ индоевропейскихъ дифтонговъ въ корнѣ, имѣло слѣдующій видъ: им. ед. „*saçtas“ (веревка, которою корова привлазывается къ стѣнѣ въ хлѣву), вин. „*saçtam“, твор. ед. и им., вин. двойств. „*saëtōō“, вин. мн. „*saëtōōns“ (передъ гласными). „*saëtōōs“ (передъ согласными), то между современными говорами иногда господствуетъ разногласіе: одни обобщили сильноударяемую форму первоначального дифтонга, другіе—слабоударяемую; вслѣдствіе чего, Помпянскому „saçtas“ соответствуютъ Вобольн. „sçetas“, Тильз. „siëtas“, Хнейдан. „sççts“, Ретов. „sëëts“; Вобольникскому „zchaçbas“, Тильзитскому „zchaçbas“—Хнейданскому „zchicçps“. род. „zchicçva“, Ретовское „zchëççps“, род. „zchëççva“ (молії), съ асоціативною сильноначальною интонацією, подавившейся въ силу 12 закона. — Въ Поневѣжскихъ говорахъ „че“ (= пралит. „ёё“=индоевроп. „ei“, „ai“, „oi“) совпало съ общелитовскимъ „че“, „чё“, „ie“; такъ, напр., Помпян. „bçednas“ (бѣденъ), „vçedras“ (ведрѣ)=Тильз. „biëdnas“, „viëdras“, Хнейд. „bçödnas“, „vçëdras“, Ретов. „bçëdnas“, „vçëdrus“, дифтонгомъ не отличаются отъ Помпян. „dçepa“ (им. ед. день). Общелитовскій дифтонгъ „че“, „чё“, „ie“ имѣть двоякое происхожденіе: а. заимствованіе и

б. ассоциація грамматическихъ формъ служатъ ему источникомъ.
а. Опъ заимствованъ всѣми литовцами изъ славянскаго, напр., въ вышеприведенныхъ словахъ: „*bq̄ēdnas*“, „*uq̄ēdras*“; или же заимствованъ нижнелитовцами у верхнелитовцевъ, какъ въ Хвейдан. и Ретов. „*rḡētelis*“ (пріятель), „*m̄q̄ēsts*“ (городъ), ко-торыя облзаны своимъ происхожденiemъ верхнелитовскимъ фоне-тически правильнымъ „*rḡētelqs*“: „*priētolis*“ (=др.-ил. „*rgeetar-*“, любитель), „*m̄q̄est̄s*“: „*miēstas*“ (=prusск. „*maysta*“; ср. соотношеніе между верхнелит. „*br̄q̄edqs*“ „*briēdis*“ „*sn̄q̄e- ḡes*“: „*sn̄iēgas*“ и прусск. „*braydis*“, „*snaygis*“); если бы эти слова были дѣйствительно заимствованы изъ славянскаго, какъ полагаетъ А. Брюкнеръ¹⁾, то не было бы возможности объяснить исчезновеніе долгаго „oo“ изъ предполагаемаго „*prijooteljs“ (=пріятель) и правильное соотвѣтствіе верхнелит. „*miēstas*“ и прусск. „*maysta*“. б. Ассоциаціи обязанъ дифтонгъ „Че“, „Чё“, „Іё“ своимъ происхожденiemъ въ много-численныхъ случаяхъ, какъ напр., въ Вобольп. „*n̄cekas*“. Тильз. „*n̄iēkas*“ (никто)=Хвейдан. и Ретов. „*n̄q̄ēks*“: изъ двухъ формъ первоначального склоненія, напр., им. ед. „*n̄ee- kas“ (гдѣ „е“=индоевроп. „е€“), твор. ед. „*n̄ačkōö“: „*n̄ečkōö“ и проч., верхнелитовцы обобщили форму со слабоударяемымъ корнемъ, нижнелитовцы — съ сильноударяемымъ. Въ статьѣ о говорахъ Россіенскаго уѣзда²⁾ я указалъ на эти-мологическое различіе двухъ верхнелитовскихъ „Че“ (іё), изъ которыхъ одному (=индоевроп. „eї“, „eї“, „oi“) соотвѣтствуетъ съверозападный нижнелитовскій дифтонгъ „ёЧ“ и юговосточный монофтонгъ „ЧЧ“, другому — нижнелитовскій, какъ съверозапад-ный, такъ и юговосточный дифтонгъ „Чё“, и считаю крайне необходимымъ соблюдать это различіе въ общелитовскомъ право-писаніи и въ сравнительномъ изслѣдованіи литовскаго языка. Понятійный примѣръ представляетъ Помпилское соотношеніе между исконно-литовскимъ „*beēda*“ (бѣда) и заимствованнымъ „*bq̄ēdnas*“, которое не известно О. Видеманну, ошибочно счита-ющему лит. „*beēda*“ заимствованнымъ изъ славянскаго³⁾. —

¹⁾ Die slavischen Fremdwörter im Litanischen, 1877. стр. 122 и 108.

²⁾ см. Пам. кн. Коб. губ. на 1893 г., отд. II, стр. 112 и сл.

³⁾ Das lit. Prät., стр. 17.

Поневѣжскіе говоры, подобно большинству западноверхнелитовскихъ, напр. Веліонскому, въ противоположность Тильзитскому, отчетливо отличаютъ главноударяемый „че“ (=вралит. „ёё“ индоевроп. слабоудар. „аи“, „ай“, „ои“) отъ „ёё“ (=празит. и индоевроп. „ее“); поэтому въ спорныхъ вопросахъ относительное качества гласныхъ „че“, „ёё“ имъ принадлежить рѣшающій голосъ точно такъ же, какъ, напр., Веліонскому говору и всему нижнелитовскому нарѣчію; такъ, напр., А. Лескинъ¹⁾ и О. Видеманнъ²⁾ пишутъ: „plëékti“ (prügeln), „rëëti“ (heftig losschreien), вместо единственно возможныхъ: „pliéklti“, „riëti“=Вобольн. rïçektj“, „гцетj“=Веліон. „rïçéktj“ „гцётj“=Ретов. „plëékti“, „гёэти“=Хвейдан. rïçcktj“, „гццти“; изъ двухъ формъ приведенныхъ у Лескина въ цитированномъ мѣстѣ: „гёэзчји“ и „гїэзчји“, только первая правильна, въ виду Воболы. „asch гёэзчj“, Веліон. „гёэзчји“, Ретов. и Хвейдан. „гїэзчји“.

Такъ какъ въ Поневѣжскихъ говорахъ продолжатели индоевропейскихъ „аа“ и „оо“ не смѣшиваются другъ съ другомъ въ главноударемыхъ слогахъ, то въ спорныхъ случаяхъ имъ принадлежить рѣшеніе вопроса о первоначальномъ качествѣ соответственныхъ гласныхъ; Поневѣжский ионафтоингъ „оо“=индоевроп. „аа“, — дифтонгъ „шо“=индоевроп. „оо“. Поэтому проф. А. Лескинъ³⁾ неправильно пишетъ вслѣдъ за Нессельманомъ⁴⁾ „slogai“ (Hölzer zum Beschweren eingeweichten Flachs) вместо „slwogač“,ср. Позв., Вобольник., „slwogəs“ (им. ед.), Позв. „slwogē“=Вобольн. „slogē“ (им. мн.)=Ретов. „slwöšks“, род. „slwöšga“, им. мн. „slwöšgaia“=Хвейдан. „slwöšks“, род. „slwöšga“, им. мн. „slwöšgaia“. Итакъ О. Видеманнъ несправедливо отрицааетъ⁵⁾ существование литовского слова „slwogas“, противорѣчащаго теоріи его о значеніи верхнелитовского „шо“ въ смѣниогласии или чередованіи гласныхъ. По Видеманну⁶⁾ съ долгимъ гласнымъ „ёё“ (=индоевроп. „ее“) въ литовскомъ языке чередуется не „шо“ (=индо-

¹⁾ Der Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen стр. 108.

²⁾ Das lit. Präteritum, стр. 20, 21, 47, 131,—26 и сл.

³⁾ Въ цит. м. стр. 109.

⁴⁾ Wörterbuch der litt. Spr., стр. 484, а.

⁵⁾ Въ цит. м. стр. 50.

⁶⁾ Ibid. стр. 47 и сл.

европ. „*oo*“), в „*oo*“ (=индоевроп. „*aa*“). Но несомненные факты доказывают, что верхнелит. „*шо*“, „*ио*“ (=нижнелит. съверозап. „*ом*“, юговост. „*ип*“) вполне соответствует индоевропейскому и др.-греч. „*oo*“, чередующемуся съ „*аа*“ и „*се*“; такъ, напр., др.-греческому ряду: „*rhee-mi*“; „*phaa-mi*“ — „*phoo-noe*“ — „*rha-men*“ соответствуютъ литов. ряды: „*klooja*“ (=прадлит. „**klaajō*“, крою, столю) — „*klišto-na-s*“ (=Ретов. „*klööns*“, Хвейдан. „*klušns*“, мѣсто въ овнѣ, гдѣ стелется хлѣбъ для молотьбы) — „*at-vi-kla-stuqt*“ (раскрывать себѣ что-нибудь); „*schooku*“ (=прадлит. „**schaakō*“, скачу) — Помпян. „*schšokotj*“ (бѣжать подпрыгивая); Ретов., Хвейдан. „*kšori*“ (=прадлит. „**kaarjō*“, хватаю, беру; ср. латин. „*car-i-oo*“) — Ретов. „*kööshra*“, Хвейдан. „*klištra*“ (вознагражденіе за по-траву; ср. др.-греч. „*kooree*“); точно также др.-греческому чередованію: „*rheeg-puu-mi*“ — „*erghooga*“ — „*rag-eenai*“ соответствуетъ литов. чередованія; Вобольн. „*asek rēchli*“ (рѣжу, дѣлаю черту) — Вобольн. „*gšonches*“ (черта, полоса) — Вобольн. „*schlišot-gazh-q-s*“ (помело); Помпян., Вобольн. „*slē:gi*“, Веліон. „*sljē:egji*“, Ретов. и Хвейдан. „*slqēgi*“ (придавливаю посредствомъ тяжести) — Пось., Вобольн. „*sluogəs*“, Ретов. „*slööks*“, Хвейдан. „*slušks*“ (тяжесть, которою придавливаются лепъ, чтобы погрузить его въ воду). Тотъ фактъ, что въ чередованіи „*ее*“ — „*шо*“ — „*а*“, свойственномъ тяжелымъ корнямъ, а также въ смѣнногласіи *легкихъ* корней появляется и „*oo*“ (=индоевроп. „*aa*“), напр., въ Помпян. „*slookta*“ (=Вобольн. „*sluogəs*“), Хвейдан. „*sluogas*“ (=прадлит. „**slaagaas*“, *gravedo*), Вобольн. „*stoogəs*“ (=прадлит. „**staagas*“, крыша, рядомъ съ индоевроп. легкимъ корнемъ „*s̥theq*“, крыть), легко объяснить ассоціацію грамматическихъ формъ, или переходомъ въ постороннюю аналогію. Такъ какъ въ унаследованныхъ изъ индоевроп. языка чередованіяхъ: „*аа*“ — „*oo*“ — „*а*“ и „*ее*“ — „*шо*“ — „*а*“ имѣлся сомнительного значенія гласный „*а*“, давшій поводъ, напр., въ др.-греческомъ языкѣ къ образованію ассоціативнаго „*plaathos*“ рядомъ съ фонетически правильнымъ „*pleethos*“¹⁾), то можно себѣ представить, какая путаница

¹⁾ См. Johannes Schmidt, Die Pluralbildungen der indogerm. Neutra, 1889. стр. 419.

должна была произойти въ пралитовскомъ языке, въ которомъ къ индоевропейскому „а“ двусмысленного значенія присоединилось, вслѣдствіе спонтанескаго перехода индоевропейского „о“ въ „а“ и появленія „а“ вместо „е“ въ слабоударяемыхъ слогахъ, такое множество формъ съ вторичнымъ „а“, что, путемъ ассоціаціи, изгладилось строгое различіе между *легкими* и *тяжелыми* корнями, а также, въ сферѣ тяжелыхъ корней, между чередованіями „аа“ — „оо“ — „а“ и „еэ“ — „оо“ — „а“. Поэтому и неудивительно, что по цримѣру первоначального чередованія: „*agju*“ (пашу) — „*ooree*“ (=прадлт. „*aaree“, пахавіе) возникло вторичное: „*sravju*“ (=др.-греческ. „*rho - e - oo*“, изъ „*srovejoo“) — „*sroovoe*“ (=прадлт. „*sraavee“, теченіе; латыш. „*straave*“), рядомъ съ исконнымъ „*srava*“ (=прадлт. „*sravaa“, др.-греч. „*rho-eo*“, индоевроп. „*srovaas“), и что отъ легкаго корня „*tem-*“, въ 1-мъ лагѣ настоящаго времени звучавшаго „**tam-jöö*“ (ср. Хвейдан. „*tamēönts*“ посохъ, собственно: подпирающій, —прадлт. прич. „**tamjant-a-s*“), были произведены: фонетически правильное „**ramas*“ и ассоциативное „**gaamas*“ (спокойстае), лежащія въ основаніи современныхъ „*ramas*“ (спокойный) и „*goomis*“ (тихій). Видевший приводить цѣлый рядъ словъ, въ которыхъ верхнелит. „*no*“ чередуется съ „*aš*“, „*šš*“, „*u*“, и приходить къ выводу, что „*no*“ = индоевроп. „*oou*“¹⁾). Но противъ этого вывода мы можемъ выставить не менѣе многочисленный рядъ словъ, въ которыхъ „*no*“ чередуется съ „*ač*“, „*če*“, „*čč*“, „*i*“: напр. „*dšona*“, Вобольн. „*dšonə*“, Ретов. „*dōšna*“, Хвейдан. „*dšina*“ (хлѣбъ), др.-инд. „*dhaanaas*“ (и. мн.) — др.-греч. „*thoinēe*“; старолит. „*ruota*“ (пиръ), род. „*ruotos*“²⁾ вин. мн. „*ruotas*“³⁾, по которому, въ силу опредѣленаго Л. Маннингомъ⁴⁾ соотношенія между вин. ед. и вин. мн., съ полной достовѣрностью раскрывается сильноконечная интонація винительного ед. „*ruotan*“, вслѣдствіе чего приводимое у F. de Saussure-а⁵⁾ по Куршайтисову литовско-немецкому словарю⁶⁾

¹⁾ Въ цит. м. стр. 33—44.

²⁾ Въ Даукшасовой Постилѣ 1599 г. стр. 33 и 267.

³⁾ Гв. 34, 1 и 178, 7.

⁴⁾ Die Hauptformen des serbisch-chorwatischen Accents, § 24.

⁵⁾ Mém. de la soc. de lingu. de Paris, т. 8, стр. 427.

⁶⁾ Стр. 340, в, 49.

, „*riuta*“), какъ по мѣсту ударенія, такъ и по качеству интонаціи должно считаться не существующимъ, латин. „*pootus*“ — верхнелит. „*r̄čėnas*“ (молоко). „*r̄čētis*“ (обѣдъ) и пр. Итакъ, по моему крайнему разумѣнію, Видемазину не удалось опровергнуть маѣвіе Mahlow-а, по которому верхнелит. „*по*“ „*шо*“ этимологически тождественно съ дреznегреческимъ и индоевропейскимъ „*oo*“; ср., напр., Тильзит. „*poemta*“ (процентъ), Ретов. „*pōoštšojo*“, Хвейдан. „*p̄štštšojo*“ (пасимию и отдаю въ насыть по частямъ); Тильзит. „*agoona*“ (макъ), Ретов. „*agōošna*“, Хвейдан. „*aḡšna*“; латыш. „*znuats*“ (зять; знакомый) съ др.-греч. „*poema·oo*“, „*plat-agoon-ion*“ (напр., „*tees meekoonos aro platagoonia ballois*“), „*gnootos*“. Считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на подмѣченное мною крайне странное разногласіе между Поневѣжскими говорами въ одной стороны и западно-верхне-литовскими, а также жемайтскими, какъ съверо-западными, такъ и юго-восточными, съ другой, — по отношенію къ пралитовскому „**st̄ōt̄öö*“ (ростъ, высота человѣческаго тѣла), которое правильно развилось въ Велюн. „*st̄omtšo*“, Ретов. „*st̄oštšöö*“, Хвейдан. „*st̄oštštš*“, въ противоположность Вобольн. „*st̄omo*“, Помпян. „*stoomo*“, Вобольн. и Помпян. вин. ед. „*stoomjenç*“, у Ширвидаса (*Punktai sakima*, перенад. 1845 г.) род. ед. „*stamienio*“ (стр. 48), вин. ед. „*stameni*“ (стр. 65).

Замѣчательную особенность Поневѣжскихъ говоровъ составляетъ долгій гласный „*aa*“ въ окончаніи родительного падежа, ед. ч., основ. на „*-a-*“, въ Цемпянской говорѣ и въ родительномъ ж. р. основъ на „*aa*“ и, вслѣдствіе ассоціаціи, въ им. мн. Что общепоневѣж. род. ед. основъ на „*-a-*“, — напр., „*vooga*“ (наука) — сокращеніе не изъ „**voogo*“, а изъ „**voogaa*“, доказывается Посьольскимъ сдвиженіемъ „*vagaatqñkls*“ (сѣть — наука — паутина), въ отличіе отъ Ширвидасова твор. мн. „*vooro-tinklieqs*¹⁾“. Отношеніе сильнопачальной интонаціи въ „*vagaat*“ — къ сильнонечной въ Посьв. и пр. „*taa*“ (того этого), объясняется нашимъ В закономъ, по которому „*taa*“ произошло изъ „**taa*“. Такъ какъ индоевроп. „*aa*“ переходитъ въ Поневѣж.

¹⁾ *Punktai sakima*, перенад. 1845, стр. 68,14.

въжской монофтонгъ „oo“ (ср. напр., Вобольн. и пр. „broolqz“ съ латыш. „braalis“, латин. „fraater), а индоевроп. „oo“ — въ Поневѣжской дифтонгъ „шо“ (напр. въ Вобольн. и пр. „dūlosi“ —др.-греч. „dooso“), то Поневѣж. долгій „aa“ въ „varaа“-, „taа“ не восходитъ ни къ тому, ни къ другому, а иметь своеобразное происхождение изъ стаженія двухъ краткихъ я: „varaа“ —(наука), „taа“ (того, этого) возникли изъ пралитовскихъ открытыхъ формъ „*vaara-a, *ta-a“. Вторичное „aa“ отличается по окраскѣ отъ первичнаго „oo“ (=индоевроп. „aa“) подобно тому, какъ въ Хейданскомъ говорѣ вторичное „aa“ въ „bmzchinati'si! (=бумзчина+ати'si=aeternash геніем), употребляемое въ разговорѣ послѣ имени умершаго человѣка, отличается отъ первичнаго „шо“ (=индоевроп. „aa“), напр., въ „br̄molis“ (брать), или какъ вторичное „aa“ въ атт. „tiimaa“ (изъ tiima-e) — отъ первичнаго „ee“ (=индоевроп. „aa“) въ „tīmæ“. Такимъ образомъ, Поневѣж. род. ед. *vilk-a* (изъ „*vilk-a“ = „*vilk-a-a“) приуждаетъ настъ возвращаться къ Шлейхерову объясненію¹⁾ и разъ навсегда отказаться отъ объясненія, предложеннаго проф. А. Лесківны²⁾ принятаго О. Ведеманномъ³⁾, по которому верхнелит. „Dzeuso“, нижнелитов. „Døčua“, „Døčua“ обязаны своимъ происхождениемъ индоевроп. отдалительному падежу. Что постѣднее мнѣніе не согласно съ звуковыми законами литовскаго языка, доказано мною въ статьѣ о Россіенскихъ говорахъ⁴⁾. Принимая Шлейхерово объясненіе, единственно возможное по отношенію къ Помянскимъ „taа“, „taas“ (=др.-инд. „tasja“, „tasjaas“), я обращаю вниманіе на общелитовское, повидимому, ничѣмъ не мотивированное исчезновеніе „s“ въ дат. и мѣстн. падежахъ мѣстонименного склоненія, ср., напр. Помян. дат. „ta_{om}, mѣстн. „tam“ съ др.-инд. „tasminī“, „tasmin“.

¹⁾ Compendium der vergl. Gramm. изд. 4, 1876, стр. 548.

²⁾ см. Die Declination im Slavisch-litauischen und Germanischen. 1876, стр. 34.

³⁾ см. Das lit. Prat., стр. 46.

⁴⁾ См. Чж. Кн. Ков. туб. на 1893 г., Отд. II, стр. 123 и сл.

В. Акцентуация.

Отличительную черту большинства Поневежскихъ говоровъ составляетъ баритонность грамматическихъ формъ, состоящая въ томъ, что окситонныя слова переходятъ въ парокситонные или же пропарокситонные, между тѣмъ какъ перенесенные, т. е., имена сильноначальную интонацію въ конечномъ слогѣ, удерживаютъ ударение на ископномъ мѣстѣ; такъ, напр., вмѣсто Веліонскихъ и Тильзитскихъ „schaka“, „akis“, „arklqz“, „raschaw“ и пр. баритонизирующіе литовцы Поневежского уѣзда, напр., въ Помпянскомъ, Посвольскомъ, Липковскомъ, Розалинскомъ, Криничинскомъ и др. приходахъ, говорятъ: „schaka“: „schakoe“ (вѣтвь), „akjis“ (глазъ), „arklys“ (лошадь), „raschö“ (пишу); но Веліонскія и Тильз. „schakoom“, „akçam“, „arkljaam“ (дат. двойств. числа, въ Поневежскихъ говорахъ исполняющей функцию дательного мн.) въ названныхъ приходахъ произножаютъ: „schakoom“, „akçam“, „arkljaam“. Эта баритонность господствуетъ отъ Курляндской границы до южнѣчка Криничинъ, на югъ отъ котораго, напр. въ Вобольниковскомъ приходѣ, распространены полу баритонистикіе, или относительно не баритонизирующіе говоры, въ которыхъ окситонная речевія, оканчивающіяся, по отношенію къ количественному составу, ямбической и спондической стопами, а также пиррихіемъ, сохраняютъ исконое ударение; по окситоннымъ формамъ, оканчивающимъ хореемъ, получаютъ переднеисторичное ударение; такъ, напр., вышеупомянутыя: „schaka“, „akis“, „arklqz“, „raschaw“ въ Вобольникахъ звучатъ: „schakoe“, „akis“, „arklqz“, „raschö“; но вмѣсто Веліонскихъ и Тильз. „merga“, „schirdis“, „szhipas“ и т. д. въ Воболы говорятъ: „morga“ (служанка), „schirdis“ (сердце), „szhipas“ (сынъ) точно такъ же, какъ въ Посвольскожъ и другихъ баритонизирующихъ говорахъ. Большая или меньшая баритонность составляетъ характеристическую особенность Поневежскихъ говоровъ, но отнюдь не всего восточно-верхнелитовскаго поднарѣчія, большинство говоровъ котораго сохранило ископную, пралитовскую окситонность даже въ такихъ грамматическихъ формахъ, которыхъ въ западнoverхнелитовскомъ и жемайтіакомъ получили ассоциативное или переднеисторичное ударение; такъ, напр., въ Оникштахъ, Добейкахъ

(Вилкомирского у.) говорять: „klēētis“ (амбарь; съ твердымъ 1), „sukſu“ (буду вертѣть), „sukſi“ (будешь в.), въ Кюмаяхъ (Новоалександровскаго у.): „djeksju“ (буду жечь), djekſi“ (будешь ж.), „djakſma“ (будешь ж.), „djakſta“ (будете ж.) вмѣсто Веліонскихъ, Тильз. „kljēētis“, „sukſju“, „sukſi“, „djeksju“, „djekſi“, „djeksime“, „djeksite“, Хвейдан. „klqētē“, „sukſu“, „sukſi“, „deekſu“, „deekſi“, „deekſma“, „deekſtē“. Изъ сказаннаго язвствуетъ, что слова Р. Брандта: „Восточные говоры Литовцевъ (на Руси) довольно рѣшительно баритонничаютъ“¹⁾ справедливы по отношенію къ Поневѣжскимъ говорамъ, но не примѣнимы къ громадному большинству говоровъ всего восточноверхнелитовскаго поднарѣчія.

Относительно времени возникновенія Поневѣжской баритонности нѣть никакихъ историческихъ данныхъ; но на основаніи нѣкоторыхъ языковыхъ явлений можно заключить, что она восходитъ къ сѣдой древности. Такъ сопоставленіе баритонныхъ формъ, напр. Посв. „р҃чено“, Гелажской „р҃чена“, Розалинскай „р҃чено“ съ окситанскими, напр. Вобольницкою „р҃ешо“, указываетъ на появление баритонности въ периодъ, предшествовавшій дѣйствію отрицательной стороны Шлейхерова закона, въ силу котораго слабоударяемые долгіе гласные въ акцентическихъ слогахъ подверглись сокращенію, такъ что иралитовское „р҃емб“ (=Веліон. „р҃чено“, Ретов. „р҃ечь“, Хвейдан. „р҃чищ“; гр. др.-греч. „роимеен“) перешло въ Вобольн. „р҃емо“, между тѣмъ какъ баритоничающіе говоры сохраняютъ исходное количество въ дифтонгѣ „чѣ“. Точно также Помпянское „spindulqz“ (лучь) получило переднеэвторичное удареніе раньше перехода иралитовскаго „спидбѣлqz“ въ Веліонское и Тильз. „spindulqz“, Хвейд. „српидулqz“, исходная долгота которыхъ, свойственная предконечному слогу, продолжаетъ существовать въ Хвейдискомъ „aat-spindulqzlis“, Ретов. „aat-spridböllis“ (отраженіе свѣта), благодаря жемайтскому второстепенному сильносрединному ударенію, появившемуся въ свою очередь раньше сокращенія иралитовскаго „бѣ“ въ „и“ въ Тильзитскомъ „at-spindulqz“.

¹⁾ Начертаніе Славянской акцентологии, 1880, стр. 227²); ср. стр. III. предисловія.

Поневъжскіе баритонничающіе говоры, по характеру своей акцентуаціи, сходны съ баритонничающими съверозападными нижнелитовскими говорами, представителемъ которыхъ въ настоящей статьѣ является Дорбянскій говоръ (Тельшевскаго уѣзда). Но сходство это замѣчается только въ общемъ, такъ какъ въ основаніи Дорбянскаго говора ложить нижнелитовская не баритонничающая акцентуація, а въ основаніи Поневъжскихъ — верхнелитовская, между которыми существуетъ иногда значительное разногласіе. „Хотя верхнелитовскому восходящему ударенію, въ общемъ, весьма постоянно соотвѣтствуетъ нижнелитовское восходяще-исходящее, однако случаются исключения; самое важное изъ нихъ представляютъ глагольные формы съ окончаніями: „-аш“, „-ац“, „-ац“ „-ец“; если удареніе падаетъ на эти окончанія, то въ верхнелитовскомъ оно восходящее, въ нижнелитовскомъ — исходящее; напр., по верхнелитовски говорятъ: „raschash“ (пишу), „raschac“ (пишешь), „raschjaš“ (я пишаль), „raschëc“ (ты писалъ), по нижнелитовски: „gasehaash“, „gaeschaas“, „raschjaash“, „raschhee“, поэтому въ верхнелитовскомъ „sakač“ (говоришь), „vilkac“ (ты влекъ) не отличаются отъ „sakač“ (древесная смола, resina), „vilkac“ (волки), а второй слогъ глагола „-ёјаш“ (и шелъ) совпадаетъ по ударенію со словомъ „-ац“ (уже), между тѣмъ какъ въ нижнелитовскомъ „sakaas“ (говоришь), „vilkaa“ (ты влекъ) и второй слогъ глагола „-ајаш“ (я шелъ) рѣзко отличаются отъ „sakaas“ (resina), „vilkaa“ (волки), „-ааш“ (уже)¹⁾. Это разногласіе отражается и въ баритонничающихъ говорахъ: выѣсто окситонныхъ верхнелитовскихъ формъ верхнелитовскіе же баритонничающіе говоры Поневъжскаго уѣзда употребляютъ парокситонныя, напр. Помшян., Поеv. „raschö“ (пишу), „raschë“ (пишешь), „raschjö“ (я писаль), „raschjë“ (ты писалъ), „sakë“ (говоришь) и sakë (resina), „vilkë“ (ты влекъ) и „vilkë“ (волки); между тѣмъ какъ въ нижнелитовскихъ баритонничающихъ говорахъ окситоннымъ нижнелитовскимъ же формамъ съ сильвосрединною интонацією соотвѣтствуютъ, правда, парокситонныя, съ ослабленіемъ исконнаго главнаго ударенія по второ-

¹⁾ Пам. кн. Ков. губ. на 1898 г. Отд. II стр. 117 и сл.

степенное, напр. въ Дорбян: „saakaa“ (resina), *vilkas*^a (волк), но перисложенными низнелитовскимъ соответствуютъ перисложенныи же и въ баритонничающихъ низнелитовскихъ говорахъ, напр въ Дорбян.: „raschaash“ (пишу), „raschaa“, (пишешь), „raschjaash“ (я писалъ), „rascheo“ (ты писалъ), „sakaa“ (говоришь), *vilkas* (ты влекъ). Второе отличие Поневѣжскіхъ баритонничающихъ говоровъ отъ баритонничающихъ низнелитовскихъ состоятьъ, какъ отчасти уже видно изъ приведенныхъ примѣровъ, въ отсутствіи второстепенного ударенія въ первыхъ; ср. Дорбянскія „gēcsm̄e“ (церковная пѣсня), „lēcshōsh“ (талія), „saakaa“ и пр съ соотвѣтственнымъ Помпіи., Песн.: „gčesme“, „lčemo“, „sakē“. Это отсутствіе второстепенного ударенія объясняется относительной древностью Поневѣжской баритонности.

Междуду баритонничающими говорами, какъ верхнелитовскими Поневѣжскаго уѣзда,—такъ и жемайтскими Тельшевскаго — и не баритонничающими того и другого нарѣчія существуетъ правильное соотношеніе въ склоненіяхъ и спряженіяхъ. Я различаю въ литовскомъ языкѣ 6 склоненій и 12 спряженій¹⁾). Въ каждомъ склоненіи, за исключеніемъ пятыго, имѣется по четыре образца, согласно съ акцентуационными таблицами Куршайтисовой топологии: „Laut- und Tonlehre der litauischen Sprache, 1849“, цѣликомъ вошедшими въ его грамматику литовского языка 1876 г., но пуждающимися въ существенныхъ поправкахъ и дополненіяхъ, которыми мы обязаны провидательной пытливости Л. Мазинга²⁾). Литовскіе надежи, по отношению къ акцентуациіи, распадаются на три группы, обозначаемыя латинскими буквами: прописными „A, B, C“, если удареніе падаетъ на коренной слогъ, строчными „b, c“, если оно полагается на суффиксъ, что свойственно только второй и третьей группамъ. Группу „A“ составляютъ дательный и вин. ед. ч., въ именномъ склоненіи никогда не получающіе ударенія на суффиксахъ; по интонаціи этой группы, существительная каждого изъ пяти склоненій распадаются на два отдѣла: I. сильноачальной инто-

¹⁾ см. Грамм. лит. яз. 1897. стр. 102 и сл., 241 и сл.

²⁾ см. Die Hauptformen des serbisch-chorwatischen Accents, 1876, §§ 32, 36, 41.

нація и II. сильнокопечной или, въ нижнелитовскомъ нарѣчіи, сильносрединной. Группа „В.“ состоитъ изъ творительного ед. ч., имен., вин., и зват. двойств. и вин. мн.; группа „С“ — изъ род., дат., твор. и тѣсти. надежей мн. ч. Остальные падежи примыкаютъ то къ той, то къ другой группѣ, смотря по разли-чію склоненій. По мѣсту ударенія въ группахъ „В“ и „С“, существительныи „I.“ и „II.“ отдѣловъ имѣютъ по два образца: а) и б), такъ что получаются слѣдующіе образцы или парадигмы: I, а) = „A+B+C“, съ накореніемъ удареніемъ во всѣхъ группахъ; I, б) = „A+B+c“, съ насуффикснымъ удареніемъ въ группѣ „С“; II, а) = „A+b+C“, съ насуффикснымъ уда-реніемъ въ группѣ „В“, и II, б) = „A+b+c“, съ насуффикснымъ удареніемъ въ группахъ „В“ и „С“. Изложеній здѣсь порядокъ соблюдается въ моей грамматикѣ литовскаго языка; тамъ, напр., на стр. 104-ой склоненіе основъ на „a-“ представляется въ слѣдующихъ четырехъ образцахъ: I, а) „uččras“ (мужъ), I, б) „veergas“ (рабъ), II, а) „roonas“ (господинъ) и II, б) „vač-kas“ (литя). — Въ спряженіи различаются двѣ группы лицъ: „A“ и „B“ („b“). Группу „A“ составляютъ: 3 л. ед., двойств. и мн. числъ со всѣми остальными лицами двойств. и мн. всѣхъ временій; группу „B“ — главнымъ образомъ 1-ое и 2-ое л. ед. ч. настоящаго и прошедшаго. По интонациі группы „A“, никогда не имѣщей насуффикснаго ударенія, глаголы почти всѣхъ 12-ти спря-женій распадаются на два отдѣла: I. сильнопачальной интонациі и II. сильноконечной или, въ нижнелитовскомъ нарѣчіи, сильносре-динной. Въ каждомъ отдѣлѣ имѣется по одному только образцу, такъ что I.= „A+B“, съ накореніемъ удареніемъ въ той и другой группѣ, II.= „A+b“, съ насуффикснымъ удареніемъ въ группѣ „B“. Въ моей грамматикѣ литовскаго языка (стр. 282—313) даются, для первыхъ шести спряженій, слѣдующіе образцы: для 1-го спряженія: I. „dižbu“ (дѣлаю), II. „sakti“ (верчу); 2-го — I. „mæelzchu“ (дело), II. „velki“ (влеку); 3-го — I. „laashkju“ (ожидаю), II. „vertschiui“ (опрокидываю); 4-го — только одинъ образецъ (= „A+b“): „t̄gšnki“ (медлю); 5-го — I. „raþtšwstu“ (пугаюсь), II. „r̄pkstu“ (сержусь); 6-го — I. „k̄ččbaš“ (вишу), „laaista_m“ (поливаю), II. „zchinash“, нижнелит. „zchinaash“ (знаю), „laqstaash“, н.-лит. „laqstaash“ и

„laastlaash“ (замазываю, напр., глиною). — Принимая въ соображеніе тонаические и фонетические законы, по данной окситонной формѣ безошибочно можно опредѣлить баритонную и, наоборотъ, по баритонной — окситонную: образцы I, а) (= „A+B+C“) во всѣхъ склоненій и I. (= „A+B“) во всѣхъ спряженій во всемъ литовскомъ языке не подлежать никакому акцентуационному измѣненію; образцы же I, б), II, а) и II, б) во всѣхъ склоненіяхъ и II. (= „A+b“) во всѣхъ спряженіяхъ у баритоничающихъ верхне и нижнелитовцевъ, виѣсто окситонныхъ формъ, получаютъ парокситонный съ передневторичнымъ ударениемъ и, если въ кориѣ имѣется долгійгласный, всегда съ сильнокопечной интонаціею; такъ, напр., виѣсто западноверхнелитовскаго склоненія I, б): „galva“, „galvoos“, „gaalva^q“, вин. „gaalva“ и т. д. и виѣсто зап. верхнелитовскихъ спряженій: „suk^u“ „sukji“, „suka“; „velku“, „veljkji“, „velka“; „vertschi^u“, „verti^u“, „vertschi“ и т. д. въ Посвольскомъ и другихъ баритоничающихъ говорахъ Поневѣжскаго уѣзда произносатъ: „galv^e“, „galvas“, „gaalv^e“, „galv^o“ („gaalv^u“); „sök^e“, „sukji“, „suk^e“; „velk^e“, „veljkji“, „velk^e“; „vertschi^e“, „verti^e“, „vertschi^e“; точно также виѣсто соответственнаго нижнелитовскаго юговосточнаго склоненія: „galva“, „galv^{uo}os“, „gaalva^a“, „gaalva“ и виѣсто нижнелитовскихъ юговосточныхъ спряженій: „suk^u“, „sukji“, „suk^u“; „velku“, „veljkji“, „veelk^u“; „vertu“, „verti^u“, „veert^u“ и т. д. въ Дорбянскомъ и въ другихъ баритоничающихъ говорахъ Тельшевскаго и Россіенскаго уѣздовъ произносятъ: „galva“, „galv^{uo}os“, „gaalva^a“, „gaalva“; „suk^u“, „sukji“, „suk^u“; „velku“, „veljkji“, „veelk^u“; „vertu“, „verti^u“, „veert^u“. Чтобы объяснить происхожденіе баритонной акцентуаціи, слѣдуетъ иметь въ виду два факта, во-первыхъ, что перенесенные формы удерживаютъ удареніе на исключеньѣ жестѣ, напр., въ Посвольскомъ „arkljaam“, Дорбяи „raschaash“, во-вторыхъ, что жемайтская баритонность своимъ второстепеннымъ ударениемъ на долгихъ гласныхъ конечныхъ слововъ, виѣсто исключаго главнаго, напр., въ Дорбянской „lõchtaash“, указываетъ на постепенность ея возникновенія, посредствомъ ослабленія исключаго главнаго и усиленія антитонического слабаго ударенія. Первый фактъ, вытекающій изъ относительной устойчивости сильно-

начальной интонации (ср. 7. законъ), служить доказательствомъ того, что латовская баритонность въ томъ и другомъ нарѣчи, несмотря на свое распространение вдоль Курляндской границы, возникла самостоятельно, безо всякаго влиянія со стороны латышскаго, вполнѣ баритического языка. Второй фактъ указываетъ на причину баритонности, лежащую виѣ даннаго слова, во дѣйствующую, такъ сказать, отталкивающимъ образомъ на его исконное конечное удареніе. Эту причину мы усматриваемъ въ тоническомъ законѣ о димоціи, или разобщеніи сталкивающихся удареній, въ силу которого, напр., верхнелитовское сочетаніе: „*raschaš* **raschtan*“ (пишу письмо) и т. п., чрезъ посредство переходной формы: **raschaš* **raschtan*“, перешло въ современную Пось. и пр. „*raschō* *raschtō*“, между тѣмъ какъ въ жемайтскомъ соответственномъ сочетаніи: „*raschaash* *raschta*“, вслѣдствіе противодѣйствія 7-го закона, димоція была невозможна. Когда баритонныя формы нѣкогда происходили, въ связи съ исконно-баритонными, образовали преобладающее большинство, совершилось обобщеніе такихъ и въ положеніи передъ начальнымъ удареніемъ слѣдующаго слова и такимъ образомъ возникли полубаритические и баритонничающіе говоры.

Въ заключеніе настоящей главы присовокупимъ, что въ Попекъжскихъ говорахъ дѣйствуютъ всѣ наши тонические законы, за исключеніемъ 9-го.

Хотя Воболын. „*uagris*“ (*spicam*) рѣзко отличается отъ „*uagris*“ (*campanam*), однако нѣть положительно никакой разницы между Вобольницкими „*uagrjeeljš*“ (*spicularum*) и „*uagrjeeljš*“ (*campanularum*).

Розалинское „*baarschtschjē*“ (им. мн., борщъ), Вобольник. „*mergē*“ (служанка), очутившись въ положеніи послѣ главнаго ударенія, замѣняютъ свою сильноконечную интонацію сильнов начальную, напр., въ Розалин. „*zehal*Ч-*baarschtschjē*“ (родъ кушанья), Воболын. „*rštz-mergje*“ (служанка, получающая половину обычнаго жалованья).

Передиенторичное удареніе всегда имѣть сильноконечную интонацію, если только подъ нимъ стоитъ долгій гласный, напр.

Посв. „*sishičes*“ вместо „*saships*“ (сынъ), рядомъ съ „*sishib*“ (вин. ед. сына) съ ударениемъ на исконномъ мѣстѣ.

Задневторичное ударение, если попадаетъ на долгій гласный, всегда имѣеть сильноначальную интонацію, напр. въ Вобольн. „*sashooji*“ (сухаа).

Димоціюе сталкивающихся ударений объясняется баритонность какъ Поневѣжскихъ говоровъ, такъ и вообще всѣхъ языковъ, въ которыхъ она господствуетъ.

Сила третьестепенной сильноначальной интонаціи сказывается въ такихъ формахъ, какъ Посв. „*kojšiš-galqz*“ (изножіе кровати), въ которомъ род. пад. мн. ч. склоненія по образцу I, а) (= „A+B+C“) слова „*kojoje*“ (нога) получаетъ задневторичное ударение.

Устойчивость сильноначальной интонаціи обнаруживается, напр., въ Посв. „*dšok arklaam schqewa*“ (дай лошадямъ сѣна), сравнительно съ вышеупомянутымъ „*raschö raschtö*“.

Окситонический закономъ объясняется соотношеніе интонацій родительного мн. въ Посвольскихъ „*galušči-galqz*“ (изголовье кровати) и „*tšiš*“ (тѣхъ), вместо „**išiš*“ (=др.-греч. „*toon*“).

Шлейхеровъ законъ о вліяніи акцентуациі на количество гласныхъ нигдѣ не примѣняется съ такою строгостью и последовательностью, какъ въ Поневѣжскихъ говорахъ.

О вліяніи ударения на окраску гласныхъ свидѣтельствуетъ склоненіе такихъ словъ, какъ Вобольн. „*laadəs*“ (ледъ), „*lõntə*“ (доска).

Тонической ассоціаціею, наконецъ, объясняется странное противорѣчіе между Вобольн. „*bœrgjö*“ (я сыпалъ) и Тильзит. „*bœgjaš*“, Хвейдан., Ретов. „*bœgjaash*“; такъ какъ глаголы, корень которыхъ оканчивается на сонорный звукъ „r“, „l“ или „m“, въ настоящемъ времени, по причинѣ краткости гласныхъ, не соблюдаютъ интонационнаго различія, заинѣчающаго, напр., въ Тильзит. прошед. вр. „*jis gjëere*“ (опь пилъ) и „*jis bœgge*“ (онъ сыпалъ). И, вслѣдствіе того, получаютъ одну и ту же форму, напр. въ Вобольн. „*asch gjeri*“ (пью), „*asch beri*“ (сплю), Посв. „*asch gjeri*“, „*asch bœgi*“, и такъ какъ глаголы этой категоріи съ сильноконечной интонацію менѣе многочисленны; то они и

перешли, въ Поневѣжскихъ говорахъ, въ аналогію глаголовъ съ сильноначальною интонациєю: рядомъ съ исконнымъ отношениемъ „gjeri“ (*gjerⁱ*): „gjë̄rjö“ явилось ассоциативное „beri“ (*berⁱ*): „bë̄rjö“. Приводимыя профессоромъ А. Лескинимъ ¹⁾ прошедшия времена: „bë̄rjau“, „rë̄rjau“, „të̄mjaū“, „trë̄mjaū“, „svë̄rjau“, „zehë̄rjau“ представляютъ сильноначальную интонацию, свойственную Поневѣжскимъ и другимъ восточно-верхнелитовскимъ говорамъ, но не согласны ни съ западноверхнелитовскими: „bë̄rjashi“, „rë̄rjashi“, „trë̄mjaash“, „svë̄rjashi“, „zehë̄rjashi“ ²⁾, ни съ жемайтскими, напр., Хвейданскими и Ретовскими: „bë̄rjaash“, „rë̄rjaash“, „të̄mjaash“, „trë̄mjaash“, „svë̄rjaash“ „zehë̄rjaash“.

Тонические законы, предполагаемые, сверхъ вышепизложенныхъ, некоторыми исследователями литовского языка, къ Поневѣжскимъ говорамъ не примѣнимы. Такъ, напр., проф. А. Лескинь выставилъ для литовскихъ конечныхъ словъ слѣдующій законъ: „Изъ числа первоначальныхъ долгихъ конечныхъ словъ слоги съ сильноконечной интонациєю сохранили исконную долготу, но слоги съ интонациєю сильноначальной сократили ее“ ³⁾. Что этотъ законъ не дѣйствовалъ въ Поневѣжскихъ говорахъ, явствуетъ изъ сопоставленія Помялскихъ, Посв., Вобольши. и пр. „too“ (им. ед. та, эта), „toos“ (вн. мн. ж. р. тѣ, эти) съ Тильзитскими, Хвейдан и Ретов. „ta“, „tas“. Но такъ какъ основаніе Лескипова закона, т. е. предполагаетъ мѣние его, будто въ литовскомъ языкѣ интонаціи не подлежать существенной перемѣнѣ, выше нами опровергнуто, то нельзя не согласиться со взглядомъ, что онъ не могъ дѣйствовать ни въ однозъ изъ литовскихъ говоровъ. Въ самомъ дѣлѣ, если сильноначальной интонације членного им. ед. „gerooji“ (добрая) объясняется сокращеніе въ нечленномъ им. ед. „gera“, то спрашивается, почему та же сильноначальная интонація въ „didë̄jî“ (большая), „didesnë̄jî“ (большая) не вызвала подобнаго сокращенія въ нечленныхъ „didë̄e“ (велика), „didoesnë̄e“ (им.

¹⁾ Der Ablaut d. Wurzels. im Lit. str. 140.

²⁾ См. у Куршайтиса, Gramm. d. litt. Spr. § 1229 и Littauisch—deutsches Wörterbuch.

³⁾ Archiv für slaviache Philologie, т. 5, стр. 189.

ед. ж. р. больше). Точно также не понятно, почему рядом съ сильноконечной интонациею окситонного „tečsččs“ (трехлѣтній) появляется сокращенное окончаніе въ морфологическомъ-дѣственномъ съ пимъ баритонномъ „kjetveergis“ (=прадит. „*ketvērgqz“, четырехлѣтній), если „riēvoos“ (род. ед. луга) дѣйствительно обозначаетъ своимъ долгимъ окончаніемъ сильноконечной интонации окситонного „šeđgoos“ (род. ед. служанки). По Лескнову закону, наконецъ, др.-греческимъ окончаніямъ съ циркумфлексомъ должны соответствовать литовскія долгія съ сильноконечной интонациею; но этому предположенію противорѣчать: „tooli“ (далеко), „arti“ (близко), „angsti“ (рано) съ краткими окончаніями, несмотря на др.-греч. „teeloi“ и т. п. периспомененные формы местного падежа. Изложенныхъ здѣсь соображеній вполнѣ достаточно, чтобы пресловутый законъ считать недѣйствительнымъ.

На этомъ, къ сожалѣнію, мы должны пока прервать наше изслѣдованіе литовскихъ говоровъ Поневѣжскаго уѣзда. Предвидѣнныя нами затрудненія въ передачѣ литовскихъ звуковъ обычными знаками алфавита и срочный выходъ въ свѣтъ изданія, въ которомъ моя статья помѣщается, задержали печатаніе ее, такъ что остальные главы: II-ю о морфологическихъ и III-ю о лексическихъ особенностяхъ мы вынуждены отложить до болѣе благопріятнаго времени.

Кс. К. Яенисъ.